

Т. Н. Борисов

**ПОД ВОДОЙ,
В НЕБЕСАХ,
НА ПАРКЕТЕ**

Том 2

Т. Н. Борисов

**Под водой, в небесах,
на паркете. Том 2**

«Издательские решения»

Борисов Т. Н.

Под водой, в небесах, на паркете. Том 2 / Т. Н. Борисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857995-0

Сборник рассказов о службе автора в ВМФ СССР и России, его путь от курсанта Высшего военно-морского инженерного училища до вице-адмирала, одного из высших чиновников государства российского. Название книги полностью соответствует его послужному списку. В книге много смешных и трагичных эпизодов, случаев, неизвестных широкой публике, анализ катастроф АПЛ «Комсомолец» и «Курск», описание особенностей работы в Правительстве РФ и Администрации Президента РФ, Главной военной инспекции РФ...

ISBN 978-5-44-857995-0

© Борисов Т. Н.
© Издательские решения

Содержание

Ликвидация последствий катастрофы атомной подводной лодки ВМФ СССР «Комсомолец»	6
Кремлевский треугольник	8
Настоящий полковник	16
Попытка подъема вск «комсомольца»	21
За прекрасную даму!	28
С2Н5ОН	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Под водой, в небесах, на паркете

Том 2

Т. Н. Борисов

© Т. Н. Борисов, 2018

ISBN 978-5-4485-7995-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ликвидация последствий катастрофы атомной подводной лодки ВМФ СССР «Комсомолец»

В апреле 1989 года в Норвежском море в результате пожара и последующей разгерметизации прочного корпуса затонула новейшая АПЛ ВМФ СССР «Комсомолец». Погибли 42 подводника, 26 человек удалось спасти. Скорее всего, «Комсомолец» просто пополнил бы международный список затонувших АПЛ, если бы не одно но: он затонул в 195 милях от побережья Норвегии, в зоне экономических интересов последней. Таким образом, в случае радиоактивного загрязнения акватории или дна в районе катастрофы Советский Союз (или Россия, как его правопреемница) должен был бы компенсировать Норвегии ее потери в рыбодобывающей, рыбообрабатывающей и других связанных с ними отраслях народного хозяйства. По оценкам специалистов, сумма выплат потерпевшей стороне могла достигнуть астрономических 2,5 миллиарда долларов США в год, причем на протяжении десятилетий, учитывая период полураспада радиоактивных материалов, находящихся на борту АПЛ, гидрологию места ее гибели, процессы растворения, размывания и многие, многие другие факторы.

Первоначально была надежда на то, что ядерный реактор и две ядерные боеголовки ракетоторпед, находящихся в торпедных аппаратах, надежно защищены от разрушения и коррозии титановым корпусом, однако она не оправдалась. Пожар, взрывы и удар о дно разрушили прочный корпус АПЛ, торпедные аппараты, повредили боеголовки, а начавшаяся электрохимическая коррозия, возникшая из-за применения разных, зачастую несовместимых металлов при строительстве «Комсомольца», довершила дело. Спустя 2,5 года был зафиксирован выход из АПЛ соединений стронция, цезия, урана и, несколько позднее, плутония. Идеальным выходом из положения был бы подъем и эвакуация затонувшей АПЛ, но глубина ее нахождения (1685 метров) и водоизмещение (около 10000 тонн) делали эту задачу практически невыполнимой. К тому же дополнительное обследование «Комсомольца» показало: разрушения прочного корпуса таковы, что любая попытка стронуть АПЛ с места обернется морским Чернобылем... Было принято решение изолировать подлодку на месте, превратив ее легкий корпус в саркофаг. Первоначальная идея закачать в межбортное пространство бетон отпала из соображений ядерной безопасности, и тогда появился проект заливки носовой оконечности гелем на основе хитозана, дабы при любых возможных утечках радиоактивных материалов последние были бы немедленно им связаны и не попали бы в окружающую среду. Проект был досконально проработан, были даже определены предприятия, реконструкция которых позволила бы в кратчайшие сроки наладить выпуск хитозана в необходимых объемах, однако возникла проблема совсем иного рода – оказалось, что гель, содержащий хитозан, с большим удовольствием поедают микроскопические морские организмы и некоторые виды бактерий, живущие на почти двухкилометровой глубине и при температуре минус 1 градус по Цельсию. В аварийном порядке удалось решить и эту проблему, о чем я скажу ниже, но возникло очередное «но». Выяснилось, что заливка боеголовок созданным в наших лабораториях гелем нарушит тепловой баланс, что может привести к тепловому взрыву боеголовок. Окончательное техническое решение проблемы АПЛ «Комсомолец» выглядело следующим образом. Волнорезные щиты торпедных аппаратов были закрыты специальными титановыми крышками. В проломы легкого и прочного корпусов были введены пластиковые мешки, которые при закачивании в них воды расширялись и заполняли все свободное пространство, препятствуя протеканию забортной воды в районе носовой оконечности АПЛ. После этого легкий корпус подлодки был обклеен специально разработанным «скотчем», надежно заклеившим мелкие трещины и разломы и превратившим его носовую часть в своеобразный «саркофаг». Вымывание радиоактивных веществ из боеголовок прекратилось. Несколько проще удалось решить

проблему выхода радиоактивных материалов через систему вентиляции реакторных выгородок. На выходные вентиляционные решетки были установлены специальные «ловушки» радиоактивных материалов, которые содержали кассеты с хитозаном, обильно «приправленным» формалином. Последний компонент (формалин) пришелся явно не по вкусу обитателям морских глубин и позволил не беспокоиться о сохранности и живучести основного поглотителя радиоактивных материалов – хитозана.

Хочется отметить, что все решения принимались в условиях катастрофической нехватки времени, финансирования, серьезного политического давления как из-за рубежа, так и со стороны собственного руководства, а самое главное – отсутствия необходимых знаний, поскольку мы были первопроходцами. Никто в мире до нас не сталкивался с подобными проблемами такого масштаба, но отечественные ученые и инженеры блестяще справились с возложенными на них задачами. Многократные обследования «Комсомольца» на протяжении последних 20 лет (в том числе и зарубежными специалистами) позволили вздохнуть с облегчением – следов выхода радиоактивных веществ не обнаружено. Поднятая недавно и тщательно исследованная «ловушка» показала, что хитозан и формалин полностью оправдали наши ожидания, годами поглощая выходящие из разгерметизированного реактора соединения цезия, стронция и урана. Разумеется, в дальнейшем придется наращивать временную защиту, но это будет спокойная плановая работа, а не ликвидация катастрофической ситуации в пожарном порядке. Кроме того, полученные уникальные знания и опыт, разработанные в ходе проведения операции методики, технологии, приборы, механизмы, оснастка и материалы позволяют решать много других теоретических и прикладных задач, казавшихся ранее неподъемными. Отрадно и то, что наши работы дали существенный толчок к налаживанию производства хитозана в нашей стране.

Кремлевский треугольник Как пропадали указы президента России

Всему миру печально известен Бермудский треугольник, в котором периодически пропадают самые современные корабли и самолеты. Некоторые – бесследно, другие спустя какое-то время появляются из небытия, причем никто на борту не может сказать, где они находились: для них время как бы останавливалось. Существует множество научных гипотез о природе данной аномалии, вплоть до ее внеземного происхождения, но ни одной достоверной.

Я хочу рассказать о другой реально существующей аномалии, явно рукотворного происхождения – кремлевской. Природа ее проста: бюрократический аппарат, постоянная борьба за власть, за «доступ к телу», сведение мелких личных счетов – словом человеческий фактор. Люди, которым в силу тех или иных причин приходилось взмысленными бегать по коридорам власти с выпученными глазами и кипой документов под мышкой, собирая бесчисленные визы и согласующие подписи, хорошо знают о ее существовании. Вообще-то, таких зон в нашей стране существует великое множество на разных уровнях, но основной можно по праву считать треугольник, вершинами которого являются Кремль, Старая площадь и Белый дом. Документы в данном треугольнике, как и в его Бермудском аналоге, могут исчезать, всплывать, видоизменяться до неузнаваемости, переходить в другое измерение. Хочу сразу оговориться, что речь идет о начале 90-х, когда в Белом доме заседал Верховный Совет под председательством Руслана Имрановича Хасбулатова, а из 100 указов президента Российской Федерации исполнялось (в среднем) три-четыре. Сейчас в Белом доме обитает Правительство России, а данный треугольник превратился в пятиугольник, с добавлением Государственной думы и Совета Федерации, но об этом несколько позже.

Итак, начну с самого начала. В апреле 1989 года погибла новейшая атомная подводная лодка ВМФ СССР – «Комсомолец». Катастрофа унесла жизни 42 членов экипажа и прикомандированных лиц, а заодно вскрыла ужасающие пробелы в организации поисково-спасательной службы нашего военно-морского флота. Забегая вперед, скажу, что и сейчас, по прошествии 17 (!) лет, после гибели АПЛ «Курск» (118 погибших) и К-159 (еще 9 трупов), аварии с автономным подводным аппаратом (чудом не ставшим братской могилой для своего экипажа, спасенного специалистами ВМС Великобритании), положение со спасением на море ничуть не лучше...

Но вернемся к несчастному «Комсомольцу». Созданная в 1923 году при ОГПУ СССР (прообраз КГБ СССР) Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), специализирующаяся на проведении сложных аварийно-спасательных, подводно-технических и судоподъемных работ, к 1989 году была практически уничтожена стараниями слишком ретивых чиновников. Осколки ЭПРОНа в виде ПСС ВМФ, карликовых аварийно-спасательных служб Министерства морского флота, речников и рыбаков были не в состоянии провести какие-либо серьезные подводно-технические работы на глубине 1685 метров, где покоились обломки АПЛ с атомным реактором и двумя ракетоторпедами с ядерными боеголовками на борту. Честно говоря, это и не входило в их компетенцию, поскольку все вышеперечисленные спасательные службы не имели ни технических возможностей, ни подготовленных специалистов для проведения столь сложных операций. Все мои попытки привлечь внимание руководства страны к данной проблеме оставались бесплодны, а от моих расчетов, показавших, что АПЛ «потечет» не позднее сентября 1991 года, просто отмахивались, ссылаясь на «обстоятельный» труд ЦНИИ им. академика А. Н. Крылова и головного НИИ МО СССР, гарантировавших минимум 70 лет спокойной жизни. Я обращался, как предписывалось военнослужащим, по команде, забираясь все выше и выше, добрался до главнокомандующего ВМФ СССР, адмирала флота

В. Н. Чернавина, но не найдя понимания, был вынужден стучаться, что называется, во все двери. Председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям Догужиев откровенно скучал, слушая доклад. В конце концов он просто выпроводил меня, пообещав «пригласить в случае необходимости». Серьезнее всех к моим словам отнесся член Политбюро ЦК КПСС Вадим Медведев, дважды доложивший о возможной в ближайшее время утечке радионуклидов с погибшей АПЛ лично генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву. Михаилу Сергеевичу было уже не до АПЛ: рушился Союз. 15 августа 1991 года, в точно оговоренные мною сроки, НИС АН СССР «Академик Келдыш», осматривавший останки «Комсомольца» при помощи глубоководных аппаратов финской постройки «Мир-1» и «Мир-2», обнаружил вблизи АПЛ следы выхода радиоактивных веществ. Назревал крупный международный скандал, поскольку «Комсомолец» затонул в 198 милях от побережья, в зоне экономических интересов Норвегии. Но по прошествии четырех дней рухнул «Союз нерушимый республик свободных», и о таких «мелочах», как текущая АПЛ, никто уже не вспоминал. Спустя какое-то время меня все же пригласили на заседание Верховного Совета России. Предварительно у меня состоялся разговор с председателем Комитета по конверсии **Юрием Федоровичем Тарасюком** и сотрудником ВС РФ, бывшим механиком с подводной лодки **Нельсоном Николаевичем Попковым**. После тщательного анализа моего доклада в ВС меня направили к **Михаилу Дмитриевичу Малёю**, советнику Президента Российской Федерации по вопросам конверсии.

Прошу запомнить эти имена. Именно благодаря им в конечном итоге гибель «Комсомольца» не имела катастрофических последствий для всего региона, и России в частности.

Один из самых компетентных и порядочных людей в Администрации Б. Н. Ельцина, доктор химических наук, Малёй принял меня весьма сдержанно. Внимательно выслушал мои аргументы, задал огромное количество вопросов по существу дела. По мере продвижения нашей беседы интерес Михаила Дмитриевича явно возрастал. Когда вопросы с его стороны иссякли, повисла продолжительная пауза. Наконец, он прервал тишину:

– Кто должен заниматься данным вопросом, с вашей точки зрения?

– На данный момент такой организации не существует. ЭПРОН почил в бозе, ПСС ВМФ не располагает ни материальными, ни кадровыми ресурсами для решения столь сложной задачи, не говоря уже об остальных службах... Необходимо создать новую структуру по типу ЭПРОНа.

– Полностью согласен. Кто может ее возглавить?

– Можете считать меня наглецом, но я готов принять командование данной организацией. Уверен, что справлюсь.

Михаил Дмитриевич долго смотрел на меня. Я выдержал этот испытующий взгляд. Не знаю, что он прочел в моих глазах, но встал, вышел из-за стола и протянул мне руку:

– Рад, что наши точки зрения совпадают. Я как раз собирался предложить руководство ЭПРОНОм вам. Давайте только назовем его в духе времени – Комитетом по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве Российской Федерации, КОПРОНОм. Возьмите бумагу, сейчас напишем проект Указа Президента России.

Спустя несколько минут проект Указа был готов. Небольшая преамбула поясняла, с какой целью и зачем создается КОПРОН, пунктом 2 было предписано назначить капитана 1 ранга Борисова Т. Н. председателем КОПРОНа. Малёй первым завизировал проект Указа и отправил его на согласование дальше. Прошло пять дней. Неожиданно меня пригласили к Михаилу Дмитриевичу «на ковер». Он был прилично раздражен и не скрывал этого.

– Тенгиз Николаевич! Я отнесся к вам со всей душой, а вы так подставили меня! Читайте!

Две бумаги Малёй бросил мне через весь стол. Первая из них была от начальника Главного штаба ВМФ, адмирала флота Макарова, вторая – от министра морского флота России. Обе на «фирменных» бланках, написанные будто под копирку, оповещали о том, что ПСС

ВМФ (АСС Минморфлота РФ) имеют все необходимые силы и средства для решения любых задач в океане и создание новой структуры (КОПРОНа) руководство ведомств считает нецелесообразным. Я спокойно дочитал эти опусы, положил их на стол и поднял глаза на советника президента.

– Что скажете?

– Только одно, Михаил Дмитриевич: нагло врут!

– Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

– Абсолютно! Отвечаю головой – врут!

– Очень хорошо! Садитесь! Ирина Павловна! Соедините меня с министром морского флота и главкомом ВМФ!

Через несколько минут оба были вызваны на Ильинку. Я сидел в кабинете Малей, гадая, как эти люди будут выкручиваться перед ним за столь явную ложь? Первым прибыл адмирал флота Чернавин. Покосившись на меня, главком представился.

– Владимир Николаевич! Скажите, пожалуйста, на какой глубине могут работать ваши специалисты ПСС? – голос Малей был ласков, почти вкрадчив.

– Михаил Дмитриевич! Хотя бы предупредили, я бы подготовил соответствующие справки...

– Вы главком или нет? Должны такие вещи знать сами, без подсказки. Итак, я жду. Сколько метров вам под силу?

– Примерно 400. При идеальном раскладе – несколько больше...

– А 800? А 1000? А 1700?

– Ради бога, объясните, в чем дело, – взмолился Чернавин, – я не понимаю...

– Можете работать на «Комсомольце»?

– «Комсомолец» погиб, списан с баланса ВМФ и к нам отношения не имеет! **ПСС ВМФ не занимается погибшими АПЛ!**

– А как же ваш начальник главного штаба пишет, что он все может сделать своими силами?

Чернавин побелел:

– Не может этого быть!

– Читайте!

Владимир Николаевич прочитал ответ адмирала флота Макарова раз, другой и вдруг развеселился.

– Михаил Дмитриевич! Это чистейшей воды липа! Подпись не Макарова! Исходящие номера НГШ ВМФ совершенно другие! Дайте мне эту бумагу, и я проведу расследование.

– Благодарю, разберусь сам. Скажите, нужна ли организация для решения подобных задач?

– Вне штатной численности ВМФ – безусловно!

– Тогда завизируйте проект Указа Президента России!

Чернавин молча расписался и откланялся. Следующим вошел министр морского флота России с начальником АСС Минморфлота.

– Скажите, пожалуйста, какими силами для проведения подводно-технических работ располагает ваше министерство? – Михаил Дмитриевич был настроен весьма миролюбиво.

– Порядка 60 водолазных ботов с трехболтовым снаряжением.

Малей вопросительно взглянул на меня.

– Водолазное снаряжение для работы на глубине до 60 метров образца 1848 года, модернизированное в начале нашего века, – любезно пояснил я.

– Какие 60 метров! – министр замахал руками. – В последний раз мы работали в 70-е годы в Бангладеш на глубине 22 метра!

– А на 1700 поработать не желаете? – Малей был возмущен до глубины души. – Что вы мне лапшу на уши вешаете?

– Кто? – испугался министр.

– Читайте!

Последовала немая сцена, как в «Ревизоре». Изучив ответ Минморфлота, и министр, и начальник АСС категорически отвергли свою причастность к данной бумаге. Молча завизировав проект Указа Президента о создании КОПРОНа, они удалились.

– Любопытно! Ладно, разберемся, – Михаил Дмитриевич вызвал начальника своего аппарата, Юрия Эммануиловича Андреева, и приказал запустить проект Указа дальше. К чему привело его расследование данного инцидента и из какого параллельного измерения материализовались эти «отзывы», не знаю, но спустя пару месяцев он в разговоре со мной обмолвился, что «у вас слишком много «доброжелателей».

Все это время я с группой единомышленников продолжал работать над проектом нейтрализации угрозы загрязнения Норвежского моря радионуклидами самостоятельно, в небольшом кабинете на Ильинке, выделенном нам Малеем. Проект Указа гулял где-то «наверху». В начале февраля 1992 года мне передали записку, что меня срочно разыскивает некий Баранников, и номер его телефона. Я зашел в приемную Малей (его самого в данный момент не было в Москве) и попросил разрешения воспользоваться его связью. Баранников снял трубку сам. Состоялся весьма примечательный разговор, который привожу по памяти, практически дословно:

– Капитан 1 ранга Борисов!

– Так это вы!

– По всей вероятности, я. Вы просили позвонить...

– Так это вы пытаетесь разорить государство! Развелось тут паркетных моряков!

– Кто дал вам право так разговаривать со мной? Не знаю, сколько «паркетных» моряков вы знаете, но я подводник с Северного флота и разговаривать с собой в подобном тоне никому не позволю! Что же касается государства, то я, напротив, пытаюсь уберечь его от разорения!

– Я стою на страже интересов государства и не позволю вам творить черт знает что!

– Замечательно, значит, мы с вами по одну сторону баррикад! Я тоже стою на страже интересов государства и не позволю кому бы то ни было мешать мне в этом деле!

Последовала пауза. Собеседник явно был обескуражен моим ответом.

– Я с вами еще разберусь!

– Всегда к вашим услугам, а будете мешать – постараюсь, чтобы разобрались с вами!

Таинственный собеседник бросил трубку. Я вышел из кабинета Михаила Дмитриевича и, возмущаясь, обратился к Юрию Эммануиловичу:

– Кто такой этот Баранников?

– А что случилось?

Все еще пылая праведным гневом, я пересказал содержание нашей беседы. Андреев поблелел:

– Вы разговаривали с председателем ФСК!

Настала очередь поблелеть мне. Несколько дней я ожидал негативных последствий столь «задушевной» беседы, но их не последовало. По всей вероятности, мое уверенное поведение внушило Баранникову мысль, что со мной лучше не связываться, ибо он наверняка не мог себе представить, что я не знаю, кто мой грозный собеседник, а человек, столь неприужденно беседующий с главой всесильного ведомства, очевидно, имеет мощнейшее прикрытие. Как бы то ни было, происшествие прошло незамеченным. Спустя несколько дней меня пригласили к телефону. Приятный женский голос сообщил, что меня беспокоят из секретариата Бориса Николаевича Ельцина и что Указ Президентом России подписан, его номер – 262с от 21.03.1992. Принимая поздравления с высоким назначением, я осведомился, откуда

взялась буква «с», ведь Указ открытый, на что мне вежливо пояснили, что из «высших соображений» он был засекречен и что уже через несколько дней я его получу на руки. Но ни через несколько дней, ни через пару недель этот Указ не появился. Он бесследно исчез. Пикантность ситуации в том, что спустя примерно год ко мне, уже действующему председателю КОПРОНа, обратились представители спецслужб с просьбой пролить свет на таинственное исчезновение Указа 262с! Я честно сказал, что сам с большим удовольствием посмотрел бы в глаза человеку, чьими стараниями данный документ не дошел до адресата... Убедившись, что Указ 262с бесследно пропал, Малей решил не тратить время на выяснение обстоятельств его исчезновения, а запустил новый проект Указа на визирование, вновь поставив свою подпись первой. Собрав положенные восемь виз, я отдал бумагу в секретариат президента. Спустя пару недель мне ее вернули с просьбой получить дополнительно еще три визы, потом еще три, потом пару... В результате на документе собралось 27 (!) подписей чиновников различных ведомств, включая Гайдара, Грачева, Бурбулиса, Сосковца, Шумейко, Квасова и иже с ними. Наконец, мне торжественно объявили, что виз достаточно, но надо «немного подождать». Приблизительно через три месяца, не выдержав ожидания, Малей поднял данный вопрос на совещании у Бориса Николаевича. Ельцин, обладавший великолепной памятью, крайне удивился, так как хорошо помнил, что Указ о создании КОПРОНа он уже подписывал. Помощник Президента России Ильюшин заверил Бориса Николаевича, что это мелкое недоразумение, Указ требовал исправления, находится у него, и вечером он представит его на подпись. Повернувшись к Малею, Виктор Иванович сказал:

– Пусть Борисов завтра зайдет за подписанным Указом.

Михаил Дмитриевич передал мне эти слова, и я, как и было предписано, утром прибыл забирать искомую бумагу в приемную Ильюшина, где мне любезно разъяснили, что г-н Ильюшин вчера работал последний день и отбыл в очередной отпуск продолжительностью 30 суток. Никакого подписанного Указа о создании КОПРОНа он не оставлял, а его сейф в отсутствие хозяина вскрывать никто не имеет права...

Минуло 30 дней... Я шел по коридору Кремля в приемную Ильюшина. Он спешил мне навстречу, направляясь по каким-то своим делам. В том месте, где коридор раздваивается, мы одновременно сошлись втроем с руководителем секретариата президента, полковником Семенченко.

– Здравия желаю, Виктор Иванович! Доброе утро, Валерий Павлович! Я к вам за Указом...

– Каким Указом?

– О КОПРОНе.

– Так я же его отдал тебе! – Ильюшин повернулся к Семенченко.

– Никак нет, не отдавали!

– Как не отдавал? Вспомни хорошенько, Валерий Павлович!

– Не отдавали! И вспоминать нечего!

– Ладно, вы идите, – это мне, – мы тут сами разберемся.

Стоит ли говорить, что и этот, второй по счету, Указ сгинул в коридорах власти без следа.

Стиснув зубы, я начал все сначала. «Самый терпеливый каперанг в ВМФ России» – дал мне прозвище Михаил Дмитриевич. Он сам, по его собственному выражению, давно послал бы всех по известному в России с незапамятных времен адресу. Куда их посылать, я и сам знал, но дело надо было делать, и третий проект Указа был запущен по кругу. Спустя два месяца он разделил участь двух предыдущих, дематериализовавшись где-то на перегоне: Старая площадь – Кремль.

Наступил ноябрь 1992 года. Все шло своим чередом. АПЛ «текла», норвежцы вопили, руководство России ничего не предпринимало, занимаясь куда более серьезными делами: борьбой за власть, дележкой постов и полученного от СССР наследства. Шла затяжная война

Администрации Президента России с Верховным Советом. Ельцин и Хасбулатов бились не на жизнь, а на смерть. Дальше работать без официального статуса и бюджетного финансирования моя группа уже не могла, поэтому 30 ноября я с копией последнего проекта Указа (со всеми собранными за эти месяцы визами) отправился к Юрию Федоровичу Тарасюку. Нельсон Николаевич Попков был в его кабинете.

– Что невесел, каприз?

– Откровенно говоря, не с чего веселиться, третий проект Указа пропал!

– Не может быть!

– Увы, мне не до шуток!

Тарасюк и Попков переглянулись. Бросив взгляд на часы, Нельсон Николаевич поднялся:

– Пошли со мной.

Даже не спросив, куда мы идем, я последовал за ним. Молча пройдя через несколько лестничных маршей и коридоров, мы подошли к приемной Хасбулатова.

– Подожди здесь.

Я присел на краешек стула. Секретарь председателя ВС РФ молча, с нескрываемым интересом разглядывал меня. Спустя несколько минут дверь кабинета приоткрылась, и Попков пригласил войти. Не могу сказать, что кабинет Хасбулатова поразил меня своими размерами, скорее наоборот, удивил аскетизмом и скромными габаритами. На столе стояла подставка, в которой красовалось с полдюжины курительных трубок, письменный прибор и несколько блокнотов. Я представился. Царственным кивком Руслан Имранович пригласил за стол для заседаний. Я присоединился к Попкову.

– Тенгиз Николаевич! В общих чертах я уже в курсе дела. Прошу вас подумать и очень коротко, но достаточно подробно обрисовать ситуацию. И с подводной лодкой, и со злосчастным указом. Я жду, – Хасбулатов поднялся из-за стола, жестом пресек мою попытку встать и стал прохаживаться с трубкой в руке по кабинету. «Где-то я такую картину уже видел», – промелькнула мысль, и тут же вспомнил, что ситуация точь-в-точь копирует кадры кинофильма, где маршал Жуков докладывает Сталину обстановку на фронте, а последний прогуливается по кабинету с трубкой в левой руке. Еле сдержав улыбку, я постарался отогнать посторонние мысли и четко доложить о событиях последних трех лет, начиная с роковой даты 7 апреля 1989 года. Хасбулатов слушал внимательно, не перебивая. Судя по блеску в глазах, моя информация его очень заинтересовала.

– Так-так, – Руслан Имранович улыбнулся каким-то своим мыслям. – Сегодня последний день действия чрезвычайных полномочий президента! Очень хорошо! Посмотрим, что он будет делать! Давайте сюда копию вашего Указа!

Он подошел к столу и нажал кнопку селектора. Через секунду вошел секретарь.

– Садись и пиши! Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину. Уважаемый Борис Николаевич!..

Хасбулатов диктовал медленно, спокойно и уверенно, но по мере его диктовки мне становилось все более и более не по себе: письмо было явно в стиле казаков турецкому султану, а не главе государства от руководителя его законодательной власти. Закончив, он обернулся ко мне:

– Я ничего не перепутал?

– По существу все верно, Руслан Имранович, но по форме... Не знаю, что будет вам за такое письмо, но меня, скорее всего, посадят.

Хасбулатов сухо рассмеялся, но глаза оставались холодными.

– Сейчас я направлю письмо президенту с нарочным, так будет надежнее, а то ваши бумаги имеют нехорошую тенденцию куда-то испаряться.

В кабинет вошел человек неопределенного возраста с погонами генерал-майора безопасности.

– Ельцину. Лично в руки! И ждать ответа!

– Есть!

Генерал-майор вышел. Я невольно посмотрел на часы. 17:55. До окончания чрезвычайных полномочий Бориса Николаевича, когда он имел право подписывать подобные указы самостоятельно, минуя Верховный Совет, оставалось 6 часов и 5 минут. Хасбулатов перехватил мой взгляд:

– Не переживайте, успеет. Идите домой и ждите! Да, оставьте в приемной свой номер телефона. Желаю удачи!

Я вышел из кабинета. Еще раз посмотрел на часы. Мы пробыли у председателя ВС РФ чуть более часа. Забегая вперед, скажу, что эти 60 с небольшим минут полностью изменили мою жизнь, разделив ее на «ДО» и «ПОСЛЕ».

...Я медленно шел домой, прикидывая шансы на успех и возможные негативные последствия после столь резкого письма президенту России. Спустя два часа и пять минут, ровно в 20:00, у меня дома раздался телефонный звонок. Приятный женский голос попросил «капитана 1 ранга Борисова Тенгиза Николаевича» к аппарату.

– Я вас слушаю.

– Вас беспокоят из Секретариата Президента России. Тенгиз Николаевич! Поздравляю вас с высоким назначением! Указ Президента от сегодняшнего числа, 30 ноября 1992 года, за номером 1494. Скажите, пожалуйста, по каким адресам его рассылать?

.....

Что сказать в заключение? Я долго размышлял над тем, явился ли поступок Хасбулатова примером истинно государственного подхода к решению сложнейшей проблемы или же им двигало желание лишний раз уколоть Бориса Николаевича, показав, чего стоит его Администрация? Не уверен в мотивации его действий, но о человеке привык судить по его делам, а в данном конкретном случае Руслан Имранович поступил как настоящий руководитель высокого уровня, обладающий широким политическим кругозором и дальновидностью. В любом случае, какими бы соображениями он ни руководствовался, именно благодаря ему КОПРОН был создан, «Комсомолец» своевременно изолирован и Россия не понесла морального и материального урона...

Еще неоднократно я сталкивался с бесследным исчезновением важных документов в вышеописанном Кремлевском треугольнике. Бывали случаи, когда Указ президента, подготовленный специалистами, завизированный юристами, проверенный корректорами, возвращался из секретариата президента измененным до неузнаваемости... Одни фамилии заменялись другими или просто исчезали из подписанного документа, другие неожиданно попадали в совершенно посторонние бумаги. Проекты указов гуляли по коридорам власти месяцами, а некоторые и годами. Документы пропадали и поныне пропадают в загадочной структуре под скромным названием «АППАРАТ» (Администрация, Секретариат). Где-то там в настоящий момент бродят несколько моих писем к различным руководителям, отвечающим за безопасность страны, с предостережениями по поводу серьезных проблем и международных осложнений, могущих возникнуть при прокладке Северного европейского газопровода (СЕГ) по дну мелководного, закрытого Балтийского моря, усеянного обычными и химическими боеприпасами. Причем я не только указываю на грозящие в будущем неприятности, но и подсказываю пути их обхода или преодоления в случае возникновения. Увы, судя по всему, эти мои письма также перешли в некое другое бюрократическое измерение и витают где-то вместе с приспой памяти Указом 262с. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится? Мелкие чиновники (и еще более мелкие людишки) порой сами определяют судьбу документов государственной важности, решая, исходя из каких-то личных соображений, что отправлять дальше, а что можно просто отложить в «долгий ящик». Ни о каком государственном подходе к делу с их стороны речи и быть не может. Аппарат непобедим при любой власти. Он неистребим, не сокращаем, тира-

жирует сам себя, живет по своим собственным законам... Понять это нельзя, это надо просто принимать как данность, учитывать при работе с ним и не трепать себе нервы зря...

Настоящий полковник

Полковники бывают разные. Есть командиры полков, настоящие служаки в самом хорошем смысле этого слова, как говорится, слуга царю, отец солдату. Есть начальники кафедр, заслуженные деятели науки и техники, доктора, профессора и проч. и проч., без которых немислима подготовка кадровых офицеров, научно-технический прогресс в области военной техники, стратегии и тактики применения вооруженных сил. Есть офицеры и старшие офицеры Генерального штаба ВС, штабов более низкого уровня, разработка боевых операций и осуществление коих без них были бы просто нереальны. Есть тыловики, нет, не те «тыловые крысы», ставшие притчей во языцех, а люди, обеспечивающие снабжение, перемещение войск, их повседневное обеспечение. Есть командиры кораблей и судов, разведчики, в жизни не надевавшие военную форму, военные медики, юристы – словом, всех и не перечислишь... Нет, речь пойдет не об этих заслуженных людях. И даже не о тех «полканах», которые делали карьеру в тиши столичных кабинетов, видели, как говорится, корабли с берега, а качку испытывали только после посещения ресторана. Мне в жизни особо запомнился один «полковник КГБ СССР», сыгравший в ней весьма неприглядную роль и здорово потрепавший мне и моим сотрудникам нервы. Но обо всем по порядку.

7 апреля 1989 года для ВМФ СССР стало черным днем в календаре. В акватории Норвежского моря после сильнейшего пожара затонула гордость советского кораблестроения – новейшая АПЛ с титановым корпусом, единственная в мире подводная лодка, способная погружаться на глубину 1000 метров, «Комсомолец». Катастрофа унесла жизни 42 членов экипажа и поставила под угрозу еще тысячи и тысячи человеческих жизней: спустя два с половиной года начались утечки радиоактивных материалов из реактора АПЛ, а еще через год «потекли» две ядерные боеголовки торпед, размещенных в носовых торпедных аппаратах. Протечки были незначительные, но все хорошо понимали, что это только цветочки, поскольку электрохимическая коррозия, многократно усиленная разностью электрических потенциалов различных металлов и сплавов, из которых были изготовлены корпуса АПЛ, торпед, зарядного отделения и т. д., быстро делала свое черное дело, и до «залпового» выброса оружейного плутония, а точнее его соединений, оставалось не так уж много времени. Ситуацию усугубляло то, что «Комсомолец» затонул на предельной для АСС ВМФ глубине в 1685 метров, на расстоянии 198 миль от берега, в зоне экономических интересов Норвегии. Интенсивное международное рыболовство в данном районе было поставлено под угрозу. В случае массового выброса соединений плутония в морскую среду, по оценкам независимых экспертов, могло быть загрязнено несколько сотен квадратных километров дна Норвежского моря, а с учетом периода его полураспада (22500 лет), даже принимая в расчет такие факторы, как размывание, перенос, разбавление и т. д., рыболовству в регионе пришел бы полный каюк, причем лет на 600—700. Ущерб экономике только Норвегии мог составить до 2,5 млрд долларов США в год. СССР официально признал факт гибели АПЛ, Россия, в свою очередь, признала себя правопреемницей СССР во всех международных делах, так что любой международный суд обязал бы нас раскошелиться, чтобы покрыть потери Норвегии от этой незапланированной катастрофы. И это на протяжении сотен лет! Именно экономические, а не экологические соображения заставили руководство России принять экстренные меры для спасения ситуации. Мне, как руководителю Комитета по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве РФ (КОПРОН), было предписано разобраться в обстановке и любой ценой предотвратить загрязнение дна и акватории Норвежского моря.

Мы не знали толком ничего. Глубина более полутора километров и чудовищное давление в 168,5 атмосфер не позволяли даже нормально осмотреть АПЛ, чтобы оценить хотя бы ее внешние повреждения, составить предварительное мнение о масштабах разрушений и соста-

вить план действий. Было непонятно, можно ли поднять «Комсомолец», а если «да», то что с ним делать дальше? Захоронить? Но как, и главное, где? На сколько лет? Безопасно ли состояние реактора? Боеголовок? Не спровоцирует ли попытка подъема АПЛ еще большие неприятности? У всех на памяти были события 1986 года. Катастрофа в Чернобыле. Что будет на этот раз? Вопросы, вопросы, вопросы... Ответов не знал никто. Аналогов подобной катастрофы не было. До этого момента АПЛ тонули в открытых океанских просторах, на больших глубинах, вдали от рыбопромысловых районов, не говоря уже о зонах экономической ответственности сопредельных государств. Откровенно говоря, я ни секунды не сомневаюсь, что утони «Комсомолец» миль на пять мористее, за пределами 200-мильной экономической зоны Норвегии, тогдашнее руководство России и не подумало бы что-либо предпринимать. О последствиях такого шага даже думать не хочется. Это была бы крупнейшая техногенная катастрофа в мире со дня его сотворения...

Но вернемся в 1992 год. Предварительный осмотр «Комсомольца», выполненный сразу после его гибели в 1989 году глубоководными аппаратами ВМФ, показал, что АПЛ лежит на ровный киль с незначительным креном и дифферентом, внешних серьезных разрушений зафиксировано не было, что дало основания надеяться на возможный подъем лодки в обозримом будущем. К 1992 году по косвенным признакам и в результате тщательного анализа собранных данных стало ясно, что дела обстоят не столь блестяще и прочный корпус субмарины, скорее всего, сильно поврежден. Для тщательного осмотра АПЛ были привлечены глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2» с предельной глубиной погружения 6000 метров, базирующиеся на НИС РАН «Академик Келдыш». До выхода в море оставалось не так уж много времени, но его катастрофически не хватало. Руководство КОПРОНа решило работать параллельно над несколькими вариантами выхода из положения – от подъема АПЛ, извлечения реактора и боеголовок, сооружения над ней саркофага по типу чернобыльского и до захоронения ее непосредственно на месте. Одновременно в работе постоянно находилось по три-пять проектов. Наши сотрудники перешли на «военное положение». За деятельностью КОПРОНа наблюдали во всем мире. Мы получали огромное количество писем. С поддержкой, предложениями, деловыми и не очень, с плохо скрытым злорадством, с прямыми оскорблениями и угрозами... В сложившейся ситуации мы старались не упустить любую мало-мальски интересную мысль, поэтому тщательно «просеивали» всю поступающую корреспонденцию в надежде найти что-либо стоящее. Развеселил некий тракторист, вполне искренне недоумевающий, какие у нас проблемы с подъемом АПЛ? При этом он ссылаясь на собственный опыт, вспоминая, как утопив «по пьяне» в колхозном пруду свой трактор, он при помощи пустой бочки, троса и второго трактора вытащил свое «орудие производства» на свет божий. Предлагал помочь решить нашу проблему... Были вполне серьезные предложения. Одно из них привлекло внимание. Послание было от некоего научно-исследовательского предприятия с гордым именем «Эврика». На красивом бланке предлагалась помощь в решении наших проблем на «высочайшем научном и техническом уровне», суть которой предлагалось объяснить при личной встрече. Подпись гласила: генеральный директор НИП «Эврика», полковник КГБ СССР в отставке Курчатов Александр Иванович. Письмо было написано безукоризненным бюрократическим языком и производило впечатление серьезного документа. Несмотря на страшный дефицит времени, я решил встретиться с автором сего послания. В назначенный срок секретарь доложила о прибытии Александра Ивановича. В кабинет вошел бодрый мужчина чуть за 60, четко, по-военному доложил свои данные. Разговор с самого начала принял деловой оборот.

– Я понимаю, что ваше время крайне ограничено, поэтому прямо к сути. Наша организация, базируясь на старых секретных разработках КГБ СССР, создала проект подъема «Комсомольца». Успех гарантирую. Вы платите нам 70 миллионов долларов США, и мы поднимаем и передаем вам АПЛ. Делайте с ней что хотите, – Александр Иванович выглядел очень торжественно.

– А как, собственно говоря, уважаемый товарищ Курчатov, вы собираетесь поднимать АПЛ, не имея никаких исходных данных о состоянии корпуса, оружия, механизмов?

– Это не принципиально. Мы ее поднимем, даже если лодка развалилась на части. Подробности сообщить не могу, это наше ноу-хау. Вы можете похитить идею! Поднимем, слово чести!

– Но вы же понимаете, что я не могу под ваше честное слово, без всякого обоснования запросить у Правительства РФ 70 миллионов долларов. Меня в лучшем случае сочтут ненормальным. Если вы боитесь утратить ноу-хау, запатентуйте свою идею и приходите вновь.

– Мы не подадим заявку на получение патента, ибо у нас украдут идею в бюро патентной экспертизы!

Мне все стало ясно. Сколько таких «изобретателей» с горящими глазами прошло через мой кабинет, даже не сосчитать. Я поднялся с кресла:

– Не смею вас задерживать, Александр Иванович! Подумайте над моими словами и застолбите свою идею. Всего наилучшего!

...Спустя три дня «полковник КГБ СССР в отставке» Курчатov вновь появился в моей приемной. Выходя из кабинета, я буквально наткнулся на этого бывшего рыцаря плаща и кинжала. Александр Иванович просто излучал счастье.

– Тенгиз Николаевич! Я придумал, как выйти из сложившейся тупиковой ситуации. Вы оформляете двух моих сотрудников помощниками президента России, и они в течение трех месяцев разрабатывают условия, на которых «Эврика» передаст свои разработки Правительству России.

– К сожалению, уважаемый Александр Иванович, этот вариант неосуществим. Во всяком случае я не могу оформить ваших сотрудников помощниками Президента России. Это его личная прерогатива. Вопрос, как говорится, не по окладу.

– Так вы мне отказываете? Вы еще об этом горько пожалеете! Вы меня еще не знаете! Вы...

Дальнейших его высказываний я уже не слушал, время было слишком дорого.

...Спустя примерно неделю в моем кабинете зазвонил телефон АТС-2, так называемая вертушка. Звонил мой старый знакомый, контр-адмирал Иван Кузьмич Шалатонов, сотрудник Администрации Президента РФ. Наши отношения к этому времени уже нельзя было назвать теплыми, но за рамки приличий они не выходили. Голос контр-адмирала был полон злорадства:

– Ну что, допрыгался?! Знаешь, какие на тебя пришли материалы? Тебе каюк! Понятно?

– Честно говоря, не очень, Иван Кузьмич. Какие материалы? Куда пришли? Мне уже столько раз обещали, что со мной покончено, что я подобные слова уже не воспринимаю.

– На этот раз тебе точно не выкрутиться! Скоро все узнаешь сам! – контр-адмирала Шалатонова просто распирало от радостного предвкушения расправы надо мной. Он бросил трубку. Я тоже опустил трубку на аппарат спецсвязи и тут же выбросил этот разговор из головы. События стали разворачиваться буквально на следующий день после этого разговора. В КОПРОН нагрянула комиссия из Администрации Президента РФ. Ни корабелов, ни физиков-ядерщиков среди прибывшей братии не наблюдалось. Костяк комиссии составляли особы и бывшие политработники. Что они искали, мне кажется, было загадкой для них самих. Недели полторы они что-то вынюхивали, высматривали, отвлекали людей от дела, старались запугать слабонервных, после чего отбыли восвояси, даже не попрощавшись. Следующая комиссия прибыла к нам с проверкой из Аппарата Правительства РФ. Потом последовательно нас с небольшими интервалами посещали проверяющие из Контрольного управления Администрации Президента, Генеральной прокуратуры РФ, ФСК, различных комитетов и комиссий органов законодательной и исполнительной власти...

Наконец, спустя примерно полгода после начала этой эпопеи с проверками, мне под большим секретом показали донос, состряпанный уже известным мне полковником КГБ в отставке Курчатовым А. И. Составленный в духе лучших традиций 30-х годов, он не отличался особыми изысками. Я обвинялся в шпионаже в пользу США, Великобритании, Германии, Японии и Южной Кореи (?!) одновременно, в диверсионно-подрывной деятельности против молодого государства Российского, выражавшейся в желании пустить Россию по миру путем подрыва ее экономики... Я смеялся до слез! Нет, не над опусом товарища Курчатова, а над тем, с каким азартом проверяющие пытались доказать эти абсурдные по своей сути обвинения! Казалось бы, ни один здравомыслящий человек не должен воспринять этот бред серьезно. Но богата наша земля талантами! Нашлись такие люди! Донос покрывала густая сеть разноцветных резолюций, входящих и исходящих номеров. Грозные указания: «Разобраться!», «Проверить и доложить!», «Немедленно принять меры!», просто «Доложить!», и сроки, сроки, сроки... Рассылались подобные бумаги веером – от президента России и генерального прокурора России до руководителей МВД РФ, ФСК и Руслана Имрановича Хасбулатова (тот в это время еще сидел в Белом доме, а не в отдельной камере Лефортово). Терпение мое лопнуло. Решил воспользоваться добрыми старыми отношениями с директором Федеральной службы контрразведки, генералом Степашиным. Трубку АТС-1 он снял лично.

– Добрый день, Сергей Вадимович! У меня к вам просьба – приведите в меридиан вашего бывшего сотрудника, полковника КГБ в отставке Курчатова Александра Ивановича, генерального директора НИП «Эврика»! Не дает нормально работать более полугода. Засыпает всех жалобами, меня уже проверили то ли семь, то ли восемь комиссий, сил больше нет! Пишет всякую ахинею, но ваши сотрудники ее тщательно проверяют. Я уже запутался, на чью разведку я работаю – то ли японскую, то ли южнокорейскую, а может быть, и на Ми-6! Жаль, зарплату у них не получаю!

– Тенгиз Николаевич, успокойся, дай мне пару часов времени, разберемся. А что ты столько терпел, не обратился раньше?

– Да как-то неудобно занятого человека отвлекать на решение подобных проблем...

Спустя минут сорок звонок АТС-1 оторвал меня от обсуждения очередного проекта. На связи был директор ФСК. Сергей Вадимович пребывал в прекрасном расположении духа и еле сдерживался, чтобы не смеяться:

– Тенгиз Николаевич, ты там как, сидишь или стоишь? Лучше садись, а то упадешь! Александр Иванович Курчатов никогда в жизни не служил в КГБ СССР, как, впрочем, и в других силовых структурах. Но самое пикантное заключается в том, что он вот **уже более восьми лет находится на учете в психиатрической клинике**. Шизофреник, понимаешь, как говорит Борис Николаевич! Кстати, никакого НИП «Эврика» в природе не существует, по крайней мере, в России оно не зарегистрировано. Желаю удачи! Мои тебя беспокоить больше не будут...

.....
Что добавить к словам главного чекиста страны на тот момент?

Около десятка комиссий различных уважаемых ведомств, в которые входили весьма солидные люди, бросавшие свои неотложные текущие, полагаю, непростые дела, отрывали нас от решения задачи действительно государственной важности – и только для того, чтобы проверить бредовые заявления официального шизофреника! Нет, он не скрывал свою медицинскую карту, ею просто никто не интересовался, несмотря на очевидные отклонения в психике у автора доносов! Сотни человеко-часов, сотни тысяч, а может быть, и миллионы бюджетных рублей были потрачены на проверку фантазий бдительного «полковника КГБ СССР в отставке». Наши нервные затраты и потери рабочего времени, разумеется, никем в расчет не принимались...

Я знаю много подобных и обратных примеров, когда абсолютно правдивую информацию по тому или иному жизненно важному вопросу никто и не думал проверять, а авторов просто объявляли психами без всякой медицинской комиссии. И это еще не самый худший исход обращения в государственные или местные органы власти для рядовых граждан. Не знаю, как сейчас, но еще пару десятков лет назад автор «неудобного» для властей заявления вполне мог окончить свои дни в психиатрической клинике, а в лихие 90-е – и на кладбище. Сейчас немного полегче. Пишите, что хотите и куда хотите: от президента до местного царька деревни Тьмутаракань – ответа все равно не получите. Сбылась вековая мечта большевиков: наступила всеобщая «электрификация» – всем все до лампочки!

Что касается «настоящего полковника» Курчатова, то думается, в его случае сработало несколько факторов.

Во-первых, магическая для наших граждан аббревиатура «КГБ», ужас перед которой мы впитывали с молоком матери. Никому и в голову не пришло проверить личность подписанта, в том числе и мне.

Во-вторых, КОПРОН слишком многим чиновникам разных уровней действовал на нервы. Мы не брали взятку, не воровали, работали абсолютно прозрачно, каждая копейка, каждый цент были учтены и оприходованы. Соответственно, мы и не давали взятку, нам их просто неоткуда было брать, даже если б вдруг очень захотели. Нас регулярно проверяли, но «ущучить» не могли, что очень расстраивало проверяющих, уходивших с пустыми карманами. А тут вдруг такой подарок судьбы в лице Александра Ивановича Курчатова! Ну как было не поверить, что мы все иностранные шпионы?! Чтобы наши, российские граждане не воровали? Не брали взятку? Не давали «откатов»? Да быть этого не может, значит, прав бдительный товарищ полковник КГБ – шпионы они! Доложили «наверх», что дыма без огня не бывает, получили соответствующие резолюции...

Конец этой истории был, в общем-то, счастливый. Несмотря на все усилия «полковника КГБ в отставке» из психиатрической клиники и его приспешников, «Комсомолец» был надежно изолирован на глубине 1685 метров, Норвежское море спасено, а КОПРОН расформирован...

В последние годы мне лично неоднократно приходилось обращаться «наверх» по вопросам экологии, национальной безопасности страны, безопасности жителей стран балтийского региона, нейтрализации затопленных в Балтийском море трех с лишком сотен тысяч тонн трофейных германских химических боеприпасов, безопасной прокладки газопровода «Норд Стрим»... Ответов не последовало ни из одной инстанции! Даже отписок! Увы, я же не «настоящий полковник», а всего-навсего вице-адмирал запаса, доктор технических наук, профессор, действительный член ряда академий, а самое главное, я не состою на учете в ближайшем дурдоме...

Попытка подъема ВСК «комсомольца»

Мало кому хочется вспоминать о своих неудачах, и я не являюсь исключением в данном плане, но историческая справедливость настоятельно требует осветить некоторые из этих не слишком приятных эпизодов моей жизни, ибо они связаны с событиями, представляющими несомненный интерес не только для любителей отечественного флота, но и для широкой общественности. В данной статье я коснусь истории, не известной практически никому, кроме ее непосредственных участников. Впрочем, обо всем по порядку.

Время бежит незаметно. 7 апреля исполнилось 18 лет с момента гибели новейшей атомной подводной лодки ВМФ СССР «Комсомолец». Пожар, практически одновременно вспыхнувший в нескольких отсеках, повредил кабельные вводы, произошла разгерметизация прочного корпуса. АПЛ всплыла. 4,5 часа личный состав боролся за живучесть своего корабля в надводном положении. Пожар между тем продолжался. Сила его была такова, что забортная вода кипела в районе кормы субмарины. К этому времени на борту уже были жертвы. Раненых и обожженных вынесли на верхнюю палубу, хотя командир и полагал, что угрозы гибели АПЛ не существует. За несколько минут до последнего в его жизни погружения, в разговоре по радиосвязи с командованием флота, он оценил положение АПЛ как «стабильное» и лишь просил доставить на борт фреон для борьбы с незатухающим пожаром. Увы, фреон был уже не нужен. Около 16 часов 30 минут волны сомкнулись над рубкой субмарины. Десятки моряков оказались в воде с температурой минус два градуса по Цельсию. Но на борту проваливающейся в бездну АПЛ все еще оставались живые люди, они продолжали бороться, теперь уже за свою жизнь. «Комсомолец» был оснащен ВСК – всплывающей камерой, рассчитанной на одновременное спасение всего личного состава подлодки. Экипаж ее особо не жаловал. И дело было даже не в том, что чтобы всем вместе разместиться в ее узком чреве, морякам необходимо проявить поистине чудеса гибкости и изворотливости. Просто действительно мало кто из подводников верил, что она способна спасти личный состав субмарины. Этому обстоятельству способствовало одно трагическое происшествие, случившееся во время государственных испытаний АПЛ. Моряки вообще народ суеверный, а подводники – в особенности, поэтому как они могли выбросить из своих голов тот факт, что при попытке отработать всплытие ВСК камера тогда затонула и погиб один человек? По воспоминаниям оставшихся в живых членов экипажа, ВСК практически все откровенно побаивались. Но в создавшейся ситуации выбирать не приходилось.

Командир корабля, механик и еще три человека заняли места в камере. Нижний люк ВСК по неизвестной причине не хотел плотно закрываться. АПЛ быстро заполнялась водой, давление в ней росло. Росло давление и в ВСК... В последний момент кто-то из оставшихся на борту (предположительно, командир дивизиона живучести) попытался проникнуть в ВСК, но нижний люк, поджатый давлением воздуха, уже не открывался. «Комсомолец» продолжал погружаться. Стуки по крышке нижнего люка смолкли... Состояние людей в ВСК было критическим. Атмосфера была малоприспособленной для дыхания, давление – повышенное. Несмотря на все усилия, отстыковать камеру от гибнущей субмарины не удавалось. Лодку потряхивало, корпус жалобно скрипел и потрескивал. Командир АПЛ и двое членов экипажа потеряли сознание. На глубине (по оценкам экспертов) свыше 1200 метров обжатый чудовищным давлением корпус деформировался, освобождая всплывающую камеру. К этому времени ВСК была примерно на треть заполнена водой, давление в ней превышало две атмосферы. Начался медленный подъем наверх, к поверхности, к свету, к жизни. Перегруженная камера имела плавучесть близкую к нулевой, поэтому она зависла, не доходя буквально одного метра до поверхности. Их качало на волне, и находящимся внутри людям показалось, что они уже всплыли. Два мичмана попытались выбраться наружу. Уравнять давление с наружным они не догада-

лись. Первый, находящийся на трапе прямо под люком, открыл кремальеру. Следующее движение могло стать последним в его жизни, но Бог, очевидно, посчитал, что выпавших на его долю приключений достаточно. Так или иначе, открыв защелку верхнего люка, он был выброшен избыточным давлением, как пробка из бутылки шампанского. Пролетев несколько метров по воздуху, мичман плюхнулся в воду и был подобран на один из спасательных плотов. Он вернулся с того света в прямом смысле этого слова. К сожалению, судьба не была столь же милостива к его собратьям по несчастью. Отброшенная сжатым воздухом крышка люка, благополучно пропустив счастливого, ударила об ограничитель и захлопнулась, нанеся смертельную травму вылетающему вслед за ним коллеге. Труп последнего с проломленным черепом позднее был подобран спасателями. Остатки воздуха покинули ВСК. Как известно, природа не терпит пустоты, и вода заполнила камеру прежде, чем та успела добраться до поверхности. Дополнительный груз сделал свое дело, и ВСК с останками трех офицеров упокоилась на дне в полутора милях от своего носителя. 1685 метров холодных вод Норвежского моря отделили их от поверхности. 42 члена экипажа субмарины не вернулись из похода...

Один спасенный и пятеро погибших. 1:5 в пользу смерти. Таков общий счет ВСК.

Я сознательно не называю ни одной фамилии. Многие из погибших и ныне здравствующих подводников допустили ошибки, повели себя не лучшим образом. Еще больше у меня претензий к тем, кто по долгу службы был обязан предотвратить, но не предотвратил выход в море АПЛ с плохо подготовленным экипажем на борту, кто мог, но не оказал своевременную помощь терпящим бедствие подводникам и не позволил принять ее со стороны «вероятного противника», ибо львиная доля погибших на их совести. Бог им судья. Бог и собственная совесть. Можно с пеной у рта отстаивать – и отстоять – свою непричастность или невиновность в суде, перед комиссиями любого ранга, перед товарищами и родственниками погибших, но самого себя не обмануть. Сознание собственной вины будет лежать тяжким бременем на совести (если она у них вообще есть) до конца их дней. Каждый несет по жизни свой крест, но это уже тема скорее для философского трактата.

Следствие и Государственная комиссия, специально созданная для выяснения причин катастрофы, благополучно зашли в тупик. Единственное, что было ими установлено, так это то, что пожар начался в седьмом, кормовом, отсеке, но источник возгорания определить не удалось. Туманное заключение ГК предполагало, что его можно будет выявить позднее, после подъема (?) АПЛ. Далее последовала яростная, безобразная возня на высшем ведомственном уровне с попытками переложить вину за гибель новейшей субмарины на ее экипаж (позиция ВПК) или на конструктивные недостатки последней (точка зрения руководства ВМФ), но и она окончилась ничем – каждая сторона осталась при своем мнении. И то, и другое было недоказуемо. Оставшиеся в живых члены экипажа, пропущенные через жернова многочисленных допросов следственных и политических органов, комиссий различных ведомств, «корректировок» своих первичных показаний командованием ВМФ и МО СССР, предпочитали впрямь хранить молчание...

Два с половиной года спустя, в точно предсказанный мною срок, в районе гибели АПЛ были обнаружены следы радиации – «потек» ядерный реактор. Дело запахло крупным политическим скандалом и серьезными штрафными санкциями: субмарина, затонувшая под флагом СССР (правопреемницей коего добровольно признала себя Россия), легла на грунт в 198 милях от побережья Норвегии, в 200-мильной зоне экономических интересов последней. Стало очевидно, что следует в скором времени ожидать так называемый залповый выброс оружейного плутония из боеголовок ракет «Комсомольца». Требовалось немедленно что-то предпринять для разрешения создавшейся ситуации.

Указом Президента России от 30 ноября 1992 года был создан Комитет по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве Российской Федерации (КОПРОН).

Командование КОПРОНа возложили на меня, в ту пору молодого капитана 1 ранга. Разумеется, задачей номер один для КОПРОНа на первом этапе было определено детальное обследование АПЛ с целью уточнения ее состояния для выработки порядка последующих действий, будь то попытка подъема «Комсомольца», извлечения из нее ядерного реактора и боеголовок ракет или просто герметизация на грунте. Первые же погружения показали, что разрушения прочного корпуса АПЛ столь велики, что нарушена общая продольная прочность корабля, и любая попытка стронуть его с места может привести к диаметрально противоположному (искомому) результату – выбросу радиоактивных материалов, загрязнению обширной акватории и сотен квадратных километров дна Норвежского моря. Было принято решение об изоляции субмарины непосредственно на грунте, что в дальнейшем и было успешно осуществлено. Правильность выбранного тогда решения очевидна: сегодня, спустя тринадцать лет после завершения операции, следов радиации вблизи останков несчастной субмарины не наблюдается.

Среди прочих перед нами была поставлена и второстепенная задача – попытаться определить источник возгорания в кормовом отсеке. Изначально предполагалось, что сделать это можно будет как путем прямого обследования отсека после возможного подъема АПЛ (или проникновения в него с помощью специально сконструированных подводных роботов), так и по записям в вахтенном журнале, который, по показаниям очевидцев, командир «Комсомольца» взял с собой в ВСК. Повышенное внимание к ВСК объяснялось, помимо прочего, и желанием понять причину ее позднего отделения от АПЛ, и возможным наличием в ней неких секретных материалов. Так или иначе, но когда стало понятно, что подъем субмарины из-за огромных разрушений прочного корпуса практически исключается, а проникнуть в концевой отсек, скорее всего, не удастся, было принято решение о подъеме ВСК. Решение, точнее его утверждение, далось мне нелегко. **Многие чиновники, в том числе и с большими погонами, прилагали отчаянные усилия, чтобы под любыми предлогами не допустить проведения операции.** Поддержали меня тогда целый ряд видных ученых, директор ФСК Сергей Вадимович Степашин и первый вице-премьер Правительства Российской Федерации Олег Николаевич Сосковец. Они совершенно справедливо полагали, что необходимо постараться выяснить истинные обстоятельства катастрофы и причины запоздалого отделения ВСК от «Комсомольца», чтобы постараться устранить конструктивные или иные недостатки, дабы подобное происшествие впредь сделать невозможным. Именно благодаря им в конце концов было решено поднять ВСК.

Обследование ВСК на грунте глубоководными аппаратами «Мир» показало, что она лежит на боку, верхний люк полностью открыт. Зацепить ее было практически не за что.

Задача, стоящая перед нами, надо прямо сказать, была далеко не рядовая. К ее решению с первых же дней была привлечена организация, проектировавшая АПЛ «Комсомолец» (и ВСК, разумеется) – Центральное конструкторское бюро морской техники (ЦКБ МТ) «Рубин». Главный конструктор субмарины, Юрий Николаевич Кормилицын, выдающийся инженер, предложил простой, как и все гениальное, способ – ввести специальный захват, выполненный наподобие обычного зонта, в открытый люк, раскрыть его там и уже к данному захвату прикрепить трос, при помощи которого ВСК подтянуть к поверхности, а там остропить ее с помощью легководолазов и поднять на аварийно-спасательное судно. Всесторонне обсудив данное предложение, руководство КОПРОНа решило поддержать это изящное техническое решение. Была заказана соответствующая оснастка, двухкилометровый трос переменного сечения, подобрано судно с соответствующей лебедкой и демпфирующим устройством. У многих читателей наверняка возникнет вопрос: почему трос имел переменное сечение? Все объясняется очень просто. Учитывая длину троса и его собственную массу, легко подсчитать, что чем ближе к лебедке, тем больший вес приходилось ему выдерживать – вес самой ВСК, захватывающего устройства и километра с гаком хотя и синтетического, но достаточно тяже-

лого каната. Чем длиннее канат, тем больше его масса и тем больше, соответственно, должен быть его диаметр. Отдельный вопрос – сглаживание рывков каната при качке спасательного судна на волнении. Динамические нагрузки, возникающие при этом, могут играючи порвать самый прочный трос. Естественно, мы запаслись долгосрочным прогнозом погоды в регионе, **но еще Петр Великий относил метеорологию к неточным наукам, наравне с астрологией и хиромантией**, поэтому основная наша надежда была на специальное демпфирующее устройство, расположенное на корме судна и представляющее собой амортизированную раму на шарнирной подвеске. Трос, сматываясь с барабана лебедки, проходил через блок на вершине рамы и только после этого шел вниз, к ВСК. Отдаленно вся конструкция напоминала плавающий кран, только его стрела колебалась в вертикальной плоскости, сглаживая рывки поднимаемого объекта. Теоретически этот гигантский «спиннинг» для выуживания ВСК мог демпфировать любые нагрузки при волне амплитудой до трех метров.

К середине 1993 года все было готово. Долгосрочный прогноз обещал благоприятные погодные условия в период проведения работ. Для руководства операцией по подъему ВСК в Мурманск из Москвы вылетел мой первый заместитель, опытнейший моряк, всю службу прошедший на Северном флоте, контр-адмирал Михаил Григорьевич Толоконников. Он держал свой флаг на аварийно-спасательном судне, оснащенный лебедкой, которому предстояло сыграть основную роль в планируемом подъеме. К месту катастрофы «Комсомольца» подошло и научно-исследовательское судно Российской академии наук «Академик Келдыш», оснащенное глубоководными аппаратами финской постройки «Мир-1» и «Мир-2». Волнение моря не превышало 2—3 баллов, шел мелкий дождь.

Первыми ушли под воду «Миры». Операция по подъему ВСК началась с ее нового осмотра. На этот раз удалось заглянуть и внутрь. ВСК была пуста. По крайней мере, обнаружить в ней какие-либо документы, предметы или останки командира и двух других членов экипажа не удалось. Это было странно, но разбираться с нюансами времени не было. Операторы «Мира» приступили к ювелирной операции – вводу в верхний люк ВСК захватывающего устройства. Со второй попытки это удалось сделать, и спасатели перешли к следующему этапу операции – заводу основного троса и зацеплению его с захватывающим устройством. Снимаю шляпу перед операторами «Миров». Удерживать продолжительное время на течении тихоходный аппарат рядом с ВСК и проводить при этом сложнейшие действия при помощи неуклюжих манипуляторов – высший пилотаж, и они справились с заданием на «отлично». С самого начала у нас были большие проблемы со связью. «Келдыш» и спасательное судно поддерживали между собой связь на УКВ. Спасатель также имел связь со штабом Северного флота, «Келдыш» – через Санкт-Петербургское отделение РАН с ЦКБ МТ «Рубин», а уже оно – с КОПРОНОм. Таким сложным путем мы получали информацию с акватории Норвежского моря, где разворачивались основные действия. Кипела работа и в ЦКБ МТ «Рубин», и в КОПРОНе. Вся информация анализировалась, вносились соответствующие поправки в план действий, они утверждались и тут же передавались на борт спасателя руководителю работ. Погода между тем, вопреки прогнозам, стала ухудшаться. Появилась крупная зыбь, хотя ветра еще не было. Операцию решили продолжить, ибо отцепить ВСК было уже невозможно. Лебедка плавно набрала обороты, и спустя несколько минут после того, как выбрали слабинку, трос натянулся. Расчетные усилия отрыва ВСК от грунта, с учетом присасывающих сил, должны были превышать ее массу примерно на 40%. Динамометр лебедки отсчитывал нагрузку. Вес камеры прошли быстро. 10, 15, 20% сверх того. 25%. Напряжение на борту росло. 30, 35%. Слабый толчок ознаменовал начало подъема ВСК. Ветер и волнение стали усиливаться. Демпфирующее устройство срабатывало все чаще и чаще.

... Я сидел в своем огромном кабинете на четвертом этаже бывшего здания Министерства судостроительной промышленности СССР на Садово-Кудринской, 11. До меня в нем располагался один из замминистров. Не знаю, приходилось ли моему предшественнику испытывать

подобные нервные нагрузки, полагаю, что да, причем неоднократно, но мне казалось, это я сейчас пытаюсь своими силами подтянуть с почти двухкилометровой глубины к поверхности капсулу массой около двух десятков тонн. Попросил секретаря не соединять ни с одним местным абонентом. На столе стояла очередная (шестая? десятая?) чашка крепчайшего кофе. С трудом сдерживал свои эмоции и желание позвонить самостоятельно в Питер: хорошо понимал, что любую информацию до меня доведут незамедлительно, а звонки начальства ничего, кроме лишней нервозности, не дадут, процесс не ускорят. Около 17 часов зазвонил аппарат ПМ, массивный телефон, все еще украшенный гербом давно несуществующего Советского Союза на диске номеронабирателя (правительственный, междугородный). С замиранием сердца поднял трубку. На связи был генеральный конструктор и генеральный директор ЦКБ МТ «Рубин», академик АН СССР (в ту пору уже РАН) Игорь Дмитриевич Спасский:

– Тенгиз! – голос академика звучал глухо. – Плохие новости. Камера сорвалась. Подробности пока не знаю, связь очень плохая. Что-либо выясню – позвоню.

Академик был крайне расстроен. Игорь Дмитриевич знал меня с лейтенантских погон, был старше почти на тридцать лет, и кривить душой ему было незачем. Очевидно, он действительно больше ничего не знал. Подробности неудачной попытки подъема стали известны через несколько часов, когда на связь вышел непосредственный руководитель работ, контр-адмирал Толоконников.

...Волнение моря достигло 3—4 баллов. Шли под разными углами, накладываясь друг на друга, две системы волн – ветрового волнения и появившаяся откуда-то издалека зыбь. Спасательное судно с подвешенной на корме ВСК мотало из стороны в сторону. Михаил Григорьевич находился на крыле мостика, откуда было удобнее наблюдать за всем происходящим. Судно медленно дрейфовало по волнению, подрабатывая машинами, чтобы держаться носом к набегающим волнам. ВСК, выбираемая лебедкой, выполняла роль своеобразного плавающего якоря. Трос старались постоянно держать в натянутом положении, не допуская провисаний, ибо ВСК, как крупная рыба на крючке, в процессе подъема крутилась и скручивала его, а любая слабина могла привести к появлению петель и заклиниванию троса в верхнем блоке демпфирующего устройства или его обрыву. Первые сотни метров прошли относительно гладко. Нейлоновый трос сам неплохо амортизировал, сглаживая рывки судна на волнении. 200, 300, 500 метров от грунта. 1000 метров! Люди физически ощущали, как ВСК приближается к поверхности. О том, что придется делать дальше, Михаил Григорьевич пока старался не думать. Посылать водолазов в легком снаряжении в волнующееся все сильнее и сильнее море, чтобы остропить камеру, было по меньшей мере рискованно. Толоконников уже давно решил для себя, что будет проводить эту операцию на глубине 35—40 метров, большей, чем планировалось изначально, чтобы волнение было максимально погашено, но все ухудшающаяся погода вселяла серьезные опасения в реализуемости данного замысла. Погода на Севере вообще непредсказуема. Яркое солнце может смениться снежным зарядом, штиль – внезапным шквалом, а спустя всего несколько минут вновь будет сиять солнце и уже ничего не будет напоминать о недавнем разгуле стихии...

...Счетчик лебедки показал 1500 пройденных метров. Пошел последний, самый тонкий участок троса, диаметром всего 22 миллиметра. До поверхности оставалось чуть менее 200 метров. Казалось, еще чуть-чуть, и округлая верхняя часть ВСК, как спина загарпуненного кита, покажется на поверхности Норвежского моря. Увы, этого «чуть-чуть» не произошло. Произошло нечто совсем иное – непредвиденная на море случайность, как философски отметили бы английские морские волки – совпадение двух волн – ветровой и зыби. В не самое подходящее время и уж точно в не самом подходящем месте. Нос спасателя задрался вверх, а корма просела метров на пять. Демпфирующее устройство добросовестно выбрало свои три метра люфта, но на большее оно просто не было рассчитано. Оставшийся провисшим трос, закрученный ВСК, тут же свернулся в петлю диаметром в 20—30 сантиметров. Нос судна

пошел вниз, а корма, соответственно, вверх. Последовал рывок. Петля резко уменьшилась в диаметре, что привело к критическому радиусу изгиба троса. Динамический удар довершил дело. Натянутый, как струна, трос лопнул в месте максимального изгиба...

ВСК вновь, уже в третий раз за свою недолгую жизнь, затонула. На этот раз – окончательно. На высшем политическом уровне было принято решение признать **«нецелесообразным возобновление попыток ее подъема»**.

Это решение позволило многим вздохнуть с явным облегчением. **Кто знает, сколько нежелательных тайн могла приоткрыть эта уникальная титановая конструкция? Какие записи таил в себе вахтенный журнал АПЛ? Как проходила борьба за живучесть субмарины? Были ли перенесены в чрево ВСК секретные документы и приборы? Почему ВСК не отделилась своевременно от носителя? Почему плотно не закрылся нижний люк? Почему ВСК все же затонула? Почему она оказалась пустой? Выбросило ли все и всех, кто в ней находился, остатками воздуха или кто-то побывал в ней до нас?** Вопросы, вопросы, вопросы...

А так все в полном ажуре. ВСК лежит на грунте, нижний люк прикрыт, в верхнем торчит захватывающее устройство с двухсотметровым тросом в придачу. Камера запечатана наглухо. В ближайшие десятки лет в нее никто не проникнет, а там хоть потоп. Аминь!

Увы, эта неудавшаяся попытка подъема ВСК, которую я и все наши специалисты восприняли как личное поражение, тогда ничему нас не научила. Мы наивно полагали, что в случае успешного подъема всплывающей камеры будут найдены и опубликованы ответы на все вышеперечисленные вопросы, сделаны соответствующие выводы, внесены коррективы в процессы подготовки АПЛ к выходу в море, обучения личного состава подлодок, отточены конструктивные решения...

Как мы были слепы! Потребовалась гибель и подъем подводного крейсера «Курск», гибель еще 119 человек, чтобы стало очевидно: правда ни тогда, ни сейчас никому из руководства не была нужна.

Как иначе объяснить те горы лжи, что были нагромождены вокруг этой катастрофы? Нагромождены и осены Генеральной прокуратурой РФ, лично генеральным прокурором России (на тот момент) Устиновым. Хочется посмотреть в глаза тем, кто на протяжении почти двух недель безбожно лгал в СМИ о «проведении спасательной операции», о скором «спасении личного состава», давно мертвого к тому времени, о «столкновении» с «неопознанным плавающим объектом», а после подъема АПЛ и ее обследования придумали сказку о «взрыве неисправной торпеды» и «гибели оставшихся в живых подводников через 3—4 часа после катастрофы». Эти люди лгали не просто по привычке – они выгораживали себя. Допустив катастрофу, они не сделали ничего путного для спасения людей. Именно бездарнейшие действия руководства привели к гибели 23 человек в кормовых отсеках «Курска», уцелевших после взрыва боезапаса.

Лгали всем – от простого народа, две недели надеющегося на чудо спасения подводников, до президента России. Именно эти «специалисты», очевидно, и убедили его в связи с «незначительностью инцидента» в «нецелесообразности прерывать отдых» в славном городе Сочи. Весь цивилизованный мир изумился в те дни тому, что Владимир Владимирович, верховный главнокомандующий, сам сын военного моряка, не прервал свой отпуск и не прибыл в Североморск, или по крайней мере в Москву, чтобы лично возглавить операцию по спасению подводников или контролировать ее ход.

Ни секунды не сомневаюсь, что знай президент России правду, он немедленно взял бы управление ситуацией на себя. Надеюсь, президент по достоинству оценил вклад этих «советников» в создание своего имиджа.

Коммунисты поступали честнее. Они просто скрывали все несчастья от народа. Сейчас негативную информацию подают в препарированном, сильно усеченном и «исправленном»

виде. Остается только процитировать классика: **«Полуправда значительно хуже, чем отъявленная ложь»**. С этим утверждением трудно не согласиться.

За прекрасную даму!

Новый 1994 год для меня начался 2 января с крупного совещания: наступал второй, завершающий, этап подготовки к изоляции на грунте «потекшей» АПЛ «Комсомолец», затонувшей в Норвежском море пятью годами ранее описываемых событий. Дело спорилось, все присутствующие на совещании были специалистами высочайшего класса, так что понимали друг друга буквально с полуслова. На мне лежала полная ответственность за успех всей операции. Когда я как-то раз попытался на очередном заседании Правительства РФ доложить о намечаемых возглавляемым мною КОПРОНОм (Комитетом по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве РФ) работах, меня довольно резко попросили «не засорять» головы присутствующих техническими подробностями. После этого я решал все инженерные вопросы самостоятельно, консультируясь с лучшими представителями отечественной науки и промышленности.

На следующий день, первый «официальный» рабочий, 3 января, меня неожиданно пригласил первый вице-премьер Правительства РФ Олег Николаевич Сосковец, один из двух первых вице-премьеров, курирующих мою тематику (вторым был Владимир Филиппович Шумейко).

– Собирайся, вылетаешь в Лондон, – сходу озадачил он меня, – нужно согласовать наши действия с англичанами.

– Так я же «невъездной», Олег Николаевич!

– Еще как выедешь! По высшему разряду! С диппаспортом. Я уже распорядился, завтра вылетаешь. Отправляйся к Квасову, он тебе все объяснит. Понимаешь, англичане – законодатели мод в подводно-технических делах. Сейчас все шавки поднимут вой, что мы неправильно нейтрализуем «текущую» АПЛ, а если эти господа одобряют твои действия, то никто и вякнуть не посмеет. Словом, без их одобрения обратно можешь не возвращаться!

Слова первого вице-преьера имели смысл, хотя, как потом оказалось, несколько иной. Владимир Петрович Квасов, руководитель Аппарата Правительства РФ, был немногословен. Подтвердив чрезвычайную важность моей миссии, он обещал всемерную поддержку со своей стороны и просил не стесняясь звонить ему напрямую в случае любых проблем. Не знаю, какие были пущены рычаги в ход, но через несколько часов мне на стол положили зеленый «дипломатический» загранпаспорт с открытой визой (!), командировочное предписание, билеты на самолет и приличную сумму в фунтах стерлингов. Одновременно в моем кабинете появился некий невзрачный субъект среднего роста и неопределенного возраста, представившийся начальником управления Аппарата Правительства РФ и заявивший, что летит вместе со мной (за свой счет, точнее – за счет Аппарата Правительства РФ). Вторым сопровождающим был назначен (кем?!), улыбчивый молодой человек с безукоризненным пробором, блестящим английским и сверкающей улыбкой.

– Владимир Владимирович, – скромно представился он.

В те времена я еще ничего не знал о Владимире Владимировиче Путине, но если б я имел честь тогда общаться с нашим будущим президентом и премьер-министром, то тот факт, что они не только тезки, но и коллеги, отметил бы непременно.

На следующий день наша «веселая» компания вылетела в Лондон. Я впервые отправлялся за границу не в подводном положении, а по воздуху, к тому же совершенно легально. Несколько беспокоило то, как пойдут переговоры, ибо шуточный намек Олега Николаевича на, мягко говоря, нецелесообразность возвращения без английского «одобрямс», содержал лишь долю шутки... Лондон встретил нас пасмурной погодой. Посольство лихорадило. Предыдущий посол, Борис Дмитриевич Панкин, был освобожден Указом Президента России от своей должности 16 сентября 1993 года, а до назначения следующего, Анатолия Леонидовича Адами-

шина, оставалось еще долгих восемь месяцев (5.9.1994). Хмурый и. о. посла восторга по поводу моего прибытия в столицу Великобритании явно не испытывал. Коротко поздоровавшись, он попросил держать его в курсе дел и, извинившись, откланялся, поручив нас заботам одного из своих советников.

Переговоры начались в тот же день. Посольская машина доставила нас к старинному монументальному зданию в центре Лондона ровно за шесть минут до начала переговоров. Наша пятерка (к нам присоединились сотрудник посольства и официальный переводчик) в сопровождении мрачного субъекта в строгой тройке цвета маренго проследовала в зал переговоров. Английская делегация была многочисленна, но состояла, на мой взгляд, из совершенно случайных людей. Глава делегации, лорд Дерик Вуоден, пэр Англии, безукоризненно одетый пожилой джентльмен, вошел в зал, сильно прихрамывая, даже изящная трость с вычурной ручкой из слоновой кости не слишком облегчала его передвижение. Я уже знал, что лорд – бывший морской летчик, много лет назад повредил ногу во время аварийной посадки пилотируемого им самолета. Весь его вид внушал уважение – начиная от благородных седин и аристократических черт лица до белоснежных манжет и матово поблескивающих штитлет, не говоря уже о вышеупомянутой трости. Остальных членов английской делегации я особо не запомнил, за исключением своего коллеги, представителя ВМС Великобритании в звании капитана 3 ранга. Запомнился он мне по нескольким причинам. Во-первых, для переговоров такого уровня он был слишком молод и погоны его были слишком малы, во-вторых, он был **надводником**, и как я быстро понял, абсолютно не разбирался в вопросах, связанных с подводно-техническими работами. Третья, основная, причина – неприкрытая ненависть ко всему русскому и беспрецедентное хамство. Мне стало от души жаль английского переводчика, которому пришлось здорово попотеть, чтобы переводить оскорбительные реплики каптри на более или менее пристойные фразы на русском. В какой-то момент, на особо язвительное замечание английского моряка, я не сдержался и, не дожидаясь, когда переводчик попытается облечь его слова в некую парламентскую форму, попросил своего английского коллегу вести себя прилично. Не помню точно, что я тогда наговорил ему, но закончил словами:

– Мне стыдно за вас как морского офицера. Ведите себя прилично, тем более что я старше вас по званию. Я не просто руководитель федерального органа исполнительной власти Российской Федерации, а подводник, действующий капитан 1 ранга российского ВМФ, и прошу проявлять должное уважение.

Очевидно, каптри был включен в состав комиссии в последний момент, или он подменял кого-то другого, но он оказался явно не готов к такому повороту событий. Мои слова произвели на него потрясающий эффект: его глаза округлились, щеки побелели, а уши приобрели малиновый оттенок. Больше в этот день он не произнес ни слова. Тем не менее переговоры явно буксовали. На следующий день, также не принесший каких-либо положительных подвижек, лорд Вуоден неожиданно пригласил меня с Владимиром Владимировичем на ужин в Пэл-Мэл Клуб. Мы приняли его приглашение, вызвав крайнее неудовольствие прилетевшего с нами начальника департамента и представителя посольства, не удостоившихся такой чести.

В 19:00 мы встретились у здания клуба, точнее у одного из них, ибо клуб состоит из двух отдельно стоящих зданий, одно из которых имеют право посещать только члены королевской семьи и епископ Кентерберийский, а второе – английские лорды и их гости. Лорд Вуоден взялся лично знакомить нас с достопримечательностями этого старинного здания. Гвоздем программы, с точки зрения лорда, была центральная мраморная лестница, знаменитая тем, что адмирал Нельсон после очередного скандала со своей благоверной (вновь отказавшейся дать ему свободу) привел себя в нетрезвое состояние путем употребления спиртных напитков, попытался въехать по ней на второй этаж, но не справился с управлением кобылой, сорвался и сломал себе руку. Лестница была действительно великолепна, но значительно больше меня поразили морские картины, в основном изображавшие батальные сцены, авторы

которых, к моему стыду, мне были неизвестны. Я с детства знал, что самые выдающиеся маринисты – это наши соотечественники: Айвазовский, Боголюбов, Чехович... Увы, как далеко им до этих неизвестных мне английских маринистов, создавших подлинные шедевры. Море на их картинах было живым, корабли просто поражали достоверностью и проработанностью деталей, пороховой дым и пламя пожаров завораживали. Каждая картина была помещена в массивную позолоченную раму и снабжена серебряной табличкой. Помимо названия картины и автора, она содержала и сведения о том, кто и когда подарил данное произведение искусства родному клубу. Стандартная надпись выглядела примерно так: «Бой у мыса Трафальгар 21.10.1805. Художник – Джозеф Меллорд Ульям Тернер (1806 г.). Подарок первого лорда Адмиралтейства, адмирала Вильямса 12.10.1872»... После осмотра центрального зала, где мы обозрели портреты всех царствовавших в Великобритании особ, нас провели в небольшой ресторан при клубе. В полутемном зале было малоллюдно. Мы уселись за круглый стол из мореного дуба. Бесшумно появился метрдотель во фраке. Перед нами легли на стол папки с меню. Лорд Воуден любезно предложил мне выбрать подходящее блюдо. Я смело открыл папку и понял, что заказать что-либо не в силах, ибо практически ни одно название мне ровным счетом ничего не говорило. Надо было срочно искать выход из положения. Невольно огляделся. Метрдотель понял мое движение как желание проконсультироваться и склонился ко мне в полупоклоне. Только сейчас, когда скудный свет осветил этого уже немолодого человека, я понял, что, несмотря на весь его британский лоск, он явно «лицо кавказской национальности», как принято писать в наших милицейских протоколах. Меня осенило:

– Нерецек, дук хаес? (Простите, вы армянин?)

Наверное, если б дубовый стол заговорил по-английски, эффект был бы менее заметен. Он вздрогнул, брови его поползли вверх:

– Ха, ес хаем, байц инчпесек ду имацав? (Да, я армянин, но как вы узнали?)

После этого заказ ужина был, как говорится, делом техники. Попутно выяснилось, что родители Амаяка бежали в Иран во время геноцида армян в 1915 году, побродили по миру и лет 45 назад осели в столице Великобритании. Он сам работал в этом заведении уже 41 год, пройдя все ступени служебной лестницы, и достиг ее вершины в 1980 году. Нам стало неудобно продолжать общение на языке, недоступном лорду, и извинившись, Амаяк отбыл по своим делам, а мы с Дериком вновь перешли к обсуждению клубных правил и традиций. Я был проинформирован, что являюсь то ли третьим, то ли четвертым гражданином СССР и России, побывавшим в данном заведении за всю его историю. Получив еще ряд подобных «важных» сведений, я был поражен, обнаружив перед собой тарелки с различными яствами. Когда они появились, я не заметил – Амаяк был действительно профессионалом. После обильного изысканного ужина, уже в фойе, прощаясь, лорд поинтересовался, можно ли задать мне один вопрос, и получив положительный ответ, спросил:

– Простите, на каком языке вы говорили с нашим служащим? Видите ли, это не совсем праздное любопытство: я посещаю данный клуб уже около 40 лет, но меня еще ни разу так не обслуживали... Кстати, у меня есть деловое предложение. Нашей делегации надо детально разобраться с вашими материалами, поэтому давайте завтра с утра посетим Тауэр, поверьте, там есть на что посмотреть. Вечером же прошу ко мне в Воуден-Холл, на ужин, а послезавтра, на свежую голову, посмотрим, что наработают за сутки наши специалисты. Принимается?

Мы приняли предложение пэра Англии.

Собственно говоря, у нас все равно не было другого выбора...

Лорд задал мне сложную задачу. Посещение дома официального лица такого уровня без соответствующего согласования с Москвой и получения всех необходимых разрешений в те времена могло быть расценено как государственная измена. Но невыполнение служебного задания было бы классифицировано точно так же. Я попросил наших «спецов» из посольства просветить меня относительно Дерика Воудена и подобных приглашений на ужин. Через пару

часов я уже знал, что 64-летний пэр Англии, лорд Вуоден – потомственный аристократ, один из самых уважаемых и почитаемых членов палаты лордов. Человек с безукоризненной репутацией. Вдовец, имеет дочь 40 лет. Пару лет назад женился на Анжелике Альба, 42 года, из рода герцогов Альба, получивших свой титул в далеком 1400 году. Родовое поместье лорда, Вуоден-Холл, находится в 20 милях от Лондона. Несколько недель назад, в самом конце 1993 года, на территории его поместья археологи откопали останки какого-то динозавра. Попутно выяснилось, что приглашение на обед в Англии обычно выдается малозначимым гостям, а VIP-персоны приглашаются именно на ужин.

Подготовка к посещению родового гнезда лорда была омрачена истерикой, которую мне и и. о. посла закатил начальник департамента, прилетевший с нами, но уже второй раз проигнорированный лордом Вуоденом. После его воплей пришлось решать другую довольно сложную задачу – что можно подарить супругам подобного уровня. Проще всего оказалось с подарком герцогине. Корзина прекрасных белых роз отвечала всем требованиям этикета и явно была подобрана флористом с безукоризненным вкусом. Сложнее оказалось с лордом, да еще и пэром Англии. Так ничего и не решив, мы отправились на экскурсию в Тауэр. Красочно одетые в средневековые одежды отставные морские пехотинцы, охраняющие замок, торжественная смена караула в высоких шапках из медвежьего меха, потрясающие коллекции старинного оружия и всяких древностей, собранные со всего мира, сокровищница королевства, и наконец, огромные иссиня-черные вороны, важно прогуливающиеся по газонам исторического парка, настроение мне не улучшили. Воронам было хорошо. Их предки много веков назад спасли крепость от приближающихся врагов, разбудив ее защитников своим громким карканьем, и теперь они пользовались привилегиями, наверняка большими, чем многие служители в человеческом облики. Все же мои мысли были заняты составлением плана дальнейших действий. Переговоры с английской стороной явно зашли в тупик. Мне, откровенно говоря, было абсолютно безразлично, что думают по поводу нашего проекта «законодатели моды» в данной области – я был убежден в правильности выбранного решения по изоляции потекшей субмарины непосредственно на грунте. Другого реального пути локализации последствий катастрофы просто не существовало, и это признавали все авторитеты в области подводно-технических работ. Другое дело – большая политика и реакция наших чиновников на любой «чих из-за бугра». Перестраховщики – они и в Англии, и в России перестраховщики. Мне могли просто запретить дальнейшие работы по изоляции АПЛ, вплоть до «всестороннего рассмотрения проблемы „компетентными“ специалистами» и «согласующими комиссиями», в том числе международными, элементарно «заболтав» проблему, и довести дело до загрязнения акватории и дна Норвежского моря радиоактивными веществами, со всеми вытекающими для России последствиями. Впрочем, это могло многих из действующих на тот момент на российской политической арене персонажей и устроить, ибо их лозунг был предельно прост – чем хуже, тем лучше. Хуже – для страны, лучше, разумеется – для них. Этого нельзя было допустить ни при каком раскладе. Насмотревшись на корону, церемониальные мечи, королевскую мантию из горноста и прочие атрибуты правящей династии, мы вернулись в посольство с тем, чтобы, наскоро пообедав, отправиться в Вуоден-Холл. На душе скребли кошки. Чем больше я размышлял о перспективах своей миссии, тем большие сомнения в ее успешном завершении меня одолевали. Шансы добиться одобрения нашего проекта от этих холодных, вежливых снобов были исчезающе малы...

Замок лорда Вуодена был плохо освещен снаружи, и его громада, выступающая из тумана, представилась нам мрачным тюремным зданием. Впрочем, это могло мне просто показаться в силу моего отвратительного настроения... Дверь отворилась практически сразу после звонка. На пороге стоял пэр Англии, лорд Дерик Вуоден собственной персоной, опираясь на толстую трость, на этот раз с литой серебряной ручкой в виде головы слона.

– А мы с Анжелой отпустили на сегодня всю прислугу, нам сегодня вечером никто не помешает, – лицо старого летчика просто излучало доброжелательность. От его английской чопорности не осталось и следа.

Я уже знал от советника посольства, устроившего мне ликбез по местным обычаям и нравам, что прием, когда в доме отсутствует вся прислуга и ее функции берут на себя хозяева – это проявление высшего уважения к гостям, так что смог оценить слова и дела лорда по достоинству. Мы вошли в просторный холл старого замка. Первым, что бросилось в глаза, был настоящий пропеллер от самолета, висевший на противоположной от входа стене. Концы лопастей были завернуты «розочкой».

– Да, это все, что осталось у меня на память от той посадки, не считая искалеченной ноги, разумеется, – лорд перехватил мой взгляд. – Увы, не всегда все проходит благополучно, бывают и проблемы...

Вокруг немого свидетеля ошибки его пилотирования разместилась коллекция старинного оружия. Индийские тальвары, фиранги, непальские кукри, вперемешку с кутарами и пешкабзами, мирно сосуществовали с афганскими шамширами и персидскими кардами, штыками от винтовок всевозможных систем и абордажными саблями корсаров Ее Величества. Среди восточных клинков как-то нелепо выглядела российская полицейская «селедка» (шашка образца 1881 года), невесть как оказавшаяся в данной коллекции. Я невольно вздохнул с облегчением – по крайней мере, тема для начала разговора уже была. Два коллекционера всегда найдут о чем поговорить... Мы так увлеклись обсуждением достоинств кавалерийской паты XVII века, что я пропустил момент появления в холле хозяйки дома.

– Добрый вечер, – потрясающей красоты невысокая женщина, казалось, осветила своим присутствием все окружающее пространство.

Пролепетав что-то невразумительное в ответ, я преподнес герцогине Альба заготовленную корзину роз, по всей вероятности действительно пришедшихся ей по душе, во всяком случае, она очаровательно улыбнулась, а на смуглых щеках проступил легкий румянец, сделав ее еще прекраснее. Я не мог оторвать глаз от этого шедевра природы испанского происхождения, пока лорд деликатно не кашлянул у меня за спиной и не пригласил нас в каминный зал. Мы уселись в глубокие старинные кресла, хозяйка дома подала высокие бокалы с аперитивом. Стаканы представляли собой типичный образец английского юмора. Примерно в пяти миллиметрах от их дна была черточка и изображение женской фигурки. Еще пятью миллиметрами выше, у очередной черты, фигурка в цилиндре и с тросточкой ограничивала допустимую дозу для джентльменов. Примерно десятью сантиметрами выше, в паре сантиметров от края стаканов, жирная черта соседствовала с не менее жирной свиньей, прозрачно намекая на состояние, в которое данная доза может привести любого поклонника Бахуса. И в завершение этой своеобразной шкалы, под самый обрез, рядом с волнистой чертой (!) был изображен моряк в тельняшке! Золотистая жидкость, налитая щедрой рукой хозяйки замка, плескалась на уровне его бескозырки, по всей вероятности, в честь гостя-моряка.

– Вы полагаете, что если русский моряк, то алкоголик? – улыбнулся я лорду.

– Ничего не могу сказать о российских моряках, но наши – алкаши точно!

Мой взгляд упал на горку, в витринке которой были выставлены разные статуэтки и вазочки, а также коллекция жилетных часов, и меня осенило. Я снял с руки часы с изображением подводной лодки на циферблате и, сказав несколько приличествующих случаю слов, вручил их лорду. Это были, разумеется, не те часы, за десятки тысяч евро, которые недавно дарил наш бывший президент и нынешний премьер-министр Владимир Владимирович Путин простым российским гражданам, но лорд, далеко не простой и даже не российский гражданин, пришел в полный восторг. Забегая несколько вперед, скажу, что спустя пару лет Дерик прислал мне поздравительную открытку (кажется, с Рождеством), в которой постскрипту написал, что ходит с моими часами на заседания английского парламента и его коллеги ему сильно

завидуют. Но я отвлекся. Перейти к служебным делам никак не удавалось. Обстановка явно не располагала. Лорд сыпал шутками и анекдотами, навсегда подорвав мое доверие к описанию англосаксов как холодных, чопорных людей, являющихся заложниками своих традиций и соответствующего воспитания. Он с большим чувством юмора описал быт и нравы английских моряков, в первую очередь своих коллег – лордов-адмиралов. Мы от души смеялись над его анекдотами, героями которых были адмиралы Нельсон, Битти, Фишер и бог знает кто еще. Экскурс в историю прервала герцогиня, пригласившая нас к ужину. Огромный дубовый стол был накрыт на четыре персоны. Хозяин замка занял свое почетное место в его торце, мне предложили сесть по правую руку лорда, Владимиру Владимировичу – по левую. Анжела села рядом с ВВ, впрочем, села – не совсем правильное определение, ибо она постоянно отлучалась, выставляя на стол все новые и новые яства, приготовленные собственными руками. Лорд Вуден явно был, что называется, по уши влюблен в свою новую супругу. Этому, несомненно, способствовали как ее молодость (на 22 года младше лорда), так и ее сказочная красота, сочетающаяся с идеальной фигурой. Невысокого роста, с чуть смуглой кожей, она смотрелась изящной статуэткой в этом старинном замке. Дерик Вуден разлил вино, взял свой бокал в руку. Я полагал, что сейчас последует тост, попытался представить, что я могу сказать в ответном слове, но лорд довольствовался тем, что просто пояснил нам, урожая какого года и какого сорта виноград пошел на его изготовление, в какие бочки оно было разлито, и пообещал как-нибудь показать свой винный погреб. Тоста не последовало. Бокалы были пополнены, но тоста от пэра Англии мы так и не дождались. Я лихорадочно соображал, как себя вести. Произнести тост? Но как это воспримут хозяева? Не нарушу ли я этим какие-либо английские или испанские традиции? Что делать с нашим злосчастным проектом? Что сказать и. о. посла о результатах визита? Вопросов было явно многовато. От мрачных размышлений меня оторвала Анжелика Альба, поставившая на стол блюдо с каким-то очередным кулинарным шедевром собственного производства, и я решился:

– Господин Вуден! Я должен признаться, что, к своему стыду, не знаю ваших традиций и, возможно, невольно нарушу некие неписанные правила, но не могу не произнести один тост, а вы, в свою очередь, должны извинить меня по крайней мере по трем причинам!

– Это по каким же причинам? – лорд был явно заинтригован моим вступлением.

– Во-первых, я ваш гость, а гостю в любой стране многое прощается.

Царственный кивок подтвердил правомерность моего предположения.

– Во-вторых, я родом с Кавказа, а в-третьих, я, как вам известно, морской офицер, и по этим причинам не могу не поднять бокал за вашу прелестную супругу! Ваше здоровье, герцогиня!

Я попал в яблочко. Лорд был явно польщен. Счастливая улыбка осветила лицо, а его взгляд, обращенный к супруге, говорил выразительнее любых слов. Кровь прилила к лицу Анжелики. Она была смущена и довольна одновременно. Поблагодарив меня за здравницу в ее честь и одарив восхитительным взглядом, она направилась на кухню, пояснив, что идет за фруктами. Я мысленно вытер холодный пот со лба: кажется, пронесло, ничего лишнего не сказал, не нарушил, никого не обидел, словом, международным скандалом с моим участием вроде не пахнет! Закусить я не успел. Лорд хлопнул меня по плечу и, словно читая мои мысли, весело произнес столь долгожданные для меня слова:

– Ни о чем не беспокойтесь, завтра все подпишем!

– Благодарю вас за понимание, господин Вуден!

– Какой я господин?! Для вас я просто Дерик и никак иначе!

...Пэр Англии сдержал свое слово. На следующий день все технические вопросы были улажены буквально за пару часов, а итоговый документ с незначительными правками – подписан. Теперь я имел полное право трясти этой бумагой перед носом наших чиновников (да и чужих тоже), вздумавших бы совать палки в колеса научно-технического прогресса. Наш

проект был признан разумным, отвечающим всем требованиям безопасности и технически грамотным. А главное, в документе подчеркивался тот факт, что в сложившихся условиях и в отпущенное природой время ничего более радикального предпринять просто не представляется возможным. Это была полная победа!

Сердечно распрощавшись с членами английской делегации (при этом даже вышеупомянутый каптри попытался изобразить некое подобие улыбки и выразил уверенность в успешном завершении нашего проекта), мы расшаркались с Дериком и от всей души пожелали друг другу удачи.

Когда я доложил и. о. посла об успешном завершении переговоров, на его лице не отразилось ровным счетом ничего. Мог бы хоть улыбнуться, что ли. Но нет, никаких эмоций, просто сухие официальные поздравления и осторожный вопрос: когда мы собираемся покинуть добрую старую Англию? «Вот это школа! – подумал я. – Так управлять своими чувствами!» Но – ошибся. Узнав, что мы вылетаем ближайшим рейсом, дипломат был, мягко говоря, озадачен. Удивление было столь явственно написано на его лице, что я в свою очередь заинтересовался, что мы делаем не так?

– Да нет, просто до вас прилетала делегация из ГКЧС (Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям), так мы их еле выпроводили: все дела завершили за пару дней, а потом прочесывали магазины дней 10, пока деньги не закончились...

...Самолет вырулил на старт. Мы с начальником департамента Аппарата Правительства РФ уютно расположились в широких кожаных креслах салона первого класса. Владимир Владимирович, согласно «Табелю о рангах», расположился в эконом-классе.

– Если бы я знал вас раньше, наверное, многое пошло бы по-другому, – задумчиво проговорил чиновник.

– Что вы имеете в виду?

– Да так, – он сделал неопределенный жест рукой и не стал развивать эту тему.

...Вернулся он к ней перед самой посадкой, спустя три с лишним часа полета и примерно полтора десятка рюмок коньяка, бесплатно и без ограничений подаваемого пассажирам первого класса:

– Да! ...они все! Послали меня присматривать за вами, чтобы не вернулись раньше времени! А теперь все!.. Поезд ушел, а я чувствую себя подлецом! – мутные глаза собеседника слезились. – Если б вы знали, какие слухи о вас распускают! ... они все! Тьфу! – с чувством закончил начдеп и откинулся на спинку кресла.

Предчувствие чего-то нехорошего сдавило сердце. Аппаратчик явно знал больше, чем говорил... Колеса с глухим стуком коснулись бетонки Шереметьево-2. Мой спутник неожиданно открыл глаза и, глядя в пространство перед собой, совершенно трезвым глухим голосом произнес:

– Проведена реорганизация Правительства России. Ваш КОПРОН ликвидирован. Завтра Указ Президента будет опубликован. Постарайтесь не принимать близко к сердцу... Вы думаете, эта бумажка, – кивок на дипломат, лежащий у меня на коленях, – кому-нибудь там, – он ткнул пальцем вверх, – нужна? Святая наивность. Просто вы мешали в Москве определенному кругу лиц проворачивать свои дела. Учитесь, у вас еще вся жизнь впереди. Это я уже вышел в тираж. Извините...

Указ Президента России был подготовлен келейно и пописан, минуя все промежуточные инстанции. Такова аппаратная практика в нашей стране. Если человека или его детище надо ликвидировать, изничтожить как класс, то это делается тихо, в его отсутствие. Как говорят французы, отсутствующий всегда неправ. Обычно дожидаются очередного отпуска намеченной жертвы, из которого ей уже некуда возвращаться. Достаточно вспомнить отставку Никиты Сергеевича Хрущева, мирно отдыхавшего от трудов праведных (или не очень, как посмотреть) в Крыму. Попытка смещения Михаила Сергеевича Горбачева, когда он с семьей находился

в Фаросе. Если же ли «клиент» нетерпелив (или хорошо проплачивает), то ему могут пойти навстречу, отправив законного хозяина приглянувшегося кресла в срочную командировку, как в моем случае...

Когда я изложил все, что думаю по этому поводу, своему старому знакомому, генералу госбезопасности, многое и многих повидавшему на своем веку, он философски заметил:

– Скажи спасибо, что отделался потерей должности. Во времена моей молодости тебя просто посадили бы или шлепнули где-нибудь в подвале, повод всегда найдется...

Времена были уже не те, так что мне предложили другую должность, и даже с повышением, в Администрации Президента России, но уникальный комитет был ликвидирован. Его влили во вновь создаваемое МЧС на правах департамента, затем быстро ужали до управления, а в настоящее время от него остался лишь маленький, практически недееспособный отдел. В мае 2000 года я в одном из своих интервью отметил, что в России не осталось организации, способной в случае серьезной аварии с подводной лодкой оказать последней реальную помощь. Три месяца спустя катастрофа АПЛ «Курск», унесшая 118 человеческих жизней, подтвердила мои слова.

МЧС не смогло решить задачу, возложенную на него за шесть с половиной лет до катастрофы «Курска» Указом Президента России. Даже и не пыталось!!! 23 человеческих жизни в первые двое суток после взрыва на АПЛ еще можно было спасти, но было некому...

«Великая морская держава», Россия в своих лучших традициях второй раз с треском наступила на одни и те же грабли: сперва в 50-х годах прошлого века был ликвидирован легендарный ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения), который в 20—50-е годы вывел нищую и голодную страну на передовые рубежи подводно-технических работ, сделав СССР законодателем мировой «моды» в данном вопросе. Второй раз – уничтожив КОПРОН, где были собраны лучшие специалисты в области подводных технологий. Места в МЧС для них не нашлось...

Недавно мы установили 30-сантиметровый флажок на дне Северного Ледовитого океана с координатами, обозначенными на всех картах одними нулями. 4300 метров ниже уровня морской поверхности. Об этом трубили все СМИ. Увы, мало кто в нашей стране знает то, о чем СМИ умолчали – что аппараты «Мир», принесшие этим погружением несколько Золотых звезд Героев России участникам экспедиции, а позднее прокатившие нашего премьер-министра на дно озера Байкал и обратно, **финской постройки более чем 25-летней давности**. Отечественной техники подобного класса пока нет. Если руководство России действительно хочет сделать нашу страну великой морской державой, то надо думать не о закупке французских вертолетоносцев (которые даже неизвестно как использовать), а о развитии собственных подводных технологий и техники. И дешевле, и полезнее, как говорится, два в одном флаконе. Но «сейчас на это нет денег».

Я обычно люблю в своих статьях приводить подходящие к случаю слова великих исторических персонажей. На этот раз хочу закончить данный опус словами кота Матроскина из полюбившегося всем мультфильма «Трое из Простоквашино»:

– Не денег у нас нет. Мозгов у нас нет!

Остается надеяться, что в новой Администрации они найдутся.

Честь имею!

C2H5OH

Водка – белая, но краснит нос и чернит репутацию.

А. П. Чехов

Вы, уважаемый читатель, несомненно, уже узнали формулу единого двигателя прогресса на территории России. С момента изобретения этой жидкой валюты подавляющее большинство дел решается с ее помощью. Только появление в свободном обращении наличных долларов, марок, фунтов и, несколько позднее, евро, рост благосостояния отдельных слоев населения несколько потеснили позиции «зеленого змия», но далеко не везде и не всегда. Ниже будут описаны события, происходящие в доперестроечные времена, во время перестройки и после государственного переворота 1991 года, то есть на протяжении довольно длинного отрезка нашей, отечественной истории.

Все мы в детстве сталкивались с ситуациями, когда наши родители или знакомые на наших глазах рассчитывались за выполненные услуги огненной водой. Это мог быть армянский коньяк, водка или обычный самогон, суть не в этом. Поллитровка из белого, коричневого или зеленого стекла на территории России (СССР) была самой надежной валютой на протяжении всего XX века. Две попытки ввести на просторах нашей необъятной родины сухой закон закончились сменой государственной власти в течение 4—5 лет. Россияне могут стерпеть многое, только не отбирайте у них «Великий утешитель». В противном случае русский бунт, бессмысленный и беспощадный по определению классика, будет неизбежен.

В советских школах дети не пили, по крайней мере, в тех, в которых учился я, а я их поменял несколько штук, по числу переездов родителей, так что знаю, о чем говорю. Начал я учиться в столице солнечной Армении – Ереване, в котором есть коньячный завод, но нет ни одного вытрезвителя, поучился и в Риге, где не было коньячного завода, но были вытрезвители, доучивался в Москве, где есть и то и другое, но впервые многие из моих одноклассников попробовали спиртное только на выпускном вечере. В Высшем военно-морском училище у курсантов считалось особым шиком немного «поддать» в увольнении и, вернувшись, проскользнуть мимо дежурного по системе незамеченным...

Впервые с реальным пьянством я столкнулся на флоте. Формально сухой закон в ВС СССР никто не вводил, но в военторгах военно-морских баз приобрести спиртное было временами проблематично. Его то разрешали, то запрещали. Доходило до абсурда. Осенью 1976 года наш ракетный подводный крейсер стратегического назначения на несколько дней зашел в Полярный. Нам предстояло пройти доковый осмотр перед автономным плаванием. Стоит ли рассказывать, сколько дел выпало при этом на долю «маслопупов» (механиков из БЧ-5)?! Мы действительно бегали, высунув языки, по уши в масле. Хотелось успеть проверить все – от общесудовых систем до забортной арматуры. Грязь, состоящая из смазок всех сортов, металлической окалины, ржавчины, отслоившейся краски, продуктов разложения протекторной защиты, казалось, навсегда въелась в кожу наших рук, переокрасила комбинезоны из темно-синих в грязно-рыжие. Ботинки из черных стали коричневатыми с неподражаемым красным отливом. Его придавали частицы свинцового сурика, уже запрещенного к применению из-за его вредности, но все еще широко применяемого на флоте. Более старые, и соответственно, более опытные механики не снимали перчатки. Более молодые (и глупые) изводили килограммы хозяйственного мыла, чтобы хоть как-то отмыть руки. РБ (рабочая одежда) безжалостно выбрасывалась, но очистить ботинки было свыше человеческих сил. Их мыли, просушивали, мазали какой-то дрянью, которая, как убеждали наши тыловики, была первосортным гуталином, но скорее напоминала деготь. Результат был один – смотреть на нашу обувь без слез было невозможно. Для флотских щеголей это была катастрофа. Неудивительно, что,

попав в первый же раз по делам в город, я зашел в местный военторг с целью раздобыть нормальный сапожный крем. На прилавках, к моему удивлению, лежало все что угодно, кроме крема для обуви и второго неперменного атрибута тех лет, асидола, для чистки латунных блях и пуговиц. Две милостивые продавщицы щебетали о чем-то своем, девичьем, скорее всего, обсуждали последствия прошедших накануне танцев в местном ДОФе (Доме офицеров флота). Я кашлянул. Ноль внимания, фунт презрения. Кашлянул громче. Еще громче.

– У вас что, коклюш? – снизошла одна из девиц до лейтенанта, попутно продемонстрировав свои познания в медицине.

– Нет, косоглазие, – совершенно серьезно ответил я.

Обе продавщицы уставились на меня, вытаращив глаза. Не обнаружив сходимости или расходимости осей моего зрительного аппарата и поняв наконец, что я шучу, они дружно фыркнули и поинтересовались, какого черта мне, собственно говоря, надо во вверенном им военторге, да еще и в рабочее время?

– Девочки, мне нужен крем для обуви.

Глаза их сузились, а губы расплзлись в хитрой улыбке, но – ни звука.

– Гуталин у вас есть? Вакса, одним словом.

Улыбки стали еще шире, потом обе захихикали:

– Нету.

– Простите, а что смешного в том, что мне потребовался крем для обуви?

– А сколько вам его нужно? – девушки перестали хихикать.

– Одну баночку, разумеется, а вы что, подумали, я хочу открыть собственную чистку обуви?

– Роза, принеси лейтенанту крем, – старшая из продавщиц отдала команду своей коллеге. – Вы извините, просто у нас строжайшее указание не продавать гуталин в больших количествах. Вы, видно, нездешний? Вот видите, просто не знаете ситуации в нашей базе. Местные Менделеевы нашли способ добывать спиртное из гуталина.

– Каким же образом?

– Берется буханка хлеба, разрезается вдоль, намазывается обильно гуталином и оставляется на несколько часов. Хлеб впитывает в себя легкие фракции, после чего остатки гуталина счищаются, и хлеб можно употреблять. – Продавщица, ранее проявившая познания в медицине, оказывается, владела и прикладной химией.

– Кстати, у нас и зубная паста «Пономарин» запрещена! – радостно подхватила прибывшая из подсобки Роза. – Знаете, ее разводят с водой в пропорции один тюбик на кружку воды. Выпил – и сутки глаза в разные стороны! А также и асидол можно употреблять...

– Марш на склад, бездельницы! Я вам покажу асидол! – пожилая дама кг на 150, очевидно зав военторгом, была явно не в духе. – И вы идите отсюда, а то я патруль вызову! Алкоголик несчастный...

Так я и не узнал, как асидол можно употребить в дело. Зато я насмотрелся, как употребляют спирт, выдаваемый на протирку техники. Его пили в чистом и разбавленном (в самых диких пропорциях) виде, пили, смешав с шампанским, с соками, с морсами, настаивали на ягодах, на травах, на змеях, на корешках хрена, заправляли в сифоны, мешали с коньяком... А какие красивые названия любовно придумывал народ для этих адских смесей! «Северное сияние», «Полярные зори», «Белый медведь», «Бурый медведь»... Люди допивались до белой горячки, до потери пульса, до алкогольного отравления. Сколько аварий, катастроф, навалов, таранов, несанкционированных пусков ракет, убийств и самоубийств произошло под воздействием алкогольных паров, один Аллах знает. Наверное, именно поэтому он и запретил правоверным мусульманам употреблять вино. К сожалению, в те времена, когда писался Коран, еще не знали о водке и прочих крепких напитках, не попавших по этой причине в перечень запрещенных напитков. Этой лазейкой не преминули воспользоваться поклонники Бахуса мусуль-

манского розлива. Мой мичман, некий Тактасын Тактасынович, блестящий специалист, был явно равнодушен к вышеупомянутым напиткам. Он мог долго держаться в море, но на берегу надирался до чертиков. При всем том пять раз в день истово совершал намаз. Мое терпение лопнуло, когда он в очередной раз «отличился» перед командиром РПК СН. Я напомнил ему заповеди Аллаха, на что ТТ гордо ответил: «Аллах запретил пить вино, но ничего не сказал о водке и спирте!» Возразить было нечего, формально он был прав – Аллах не предусмотрел прогресс науки... Запомнилось получение первой в моей жизни юбилейной медали. В тот день, когда всему экипажу вручали эти 32-миллиметровые латунные кружки, подвешенные на ярких колодках, я дежурил по кораблю. На следующий день, в субботу, около 17:00 мы с приятелем, таким же лейтенантом, сменились с вахты и пошли в казарму. В экипаже царило праздничное настроение. Дело в том, что к празднику несколько офицеров получили боевые ордена за успешное автономное плавание, проходившее в крайне сложной обстановке и при реальном противодействии ВМС вероятного (на тот момент) противника. Мы все гордились столь высокой оценкой партией и правительством наших коллег. Войдя в длинный, широкий коридор казармы, мы сразу уловили знакомый тяжелый запах перегара – «обмывание» наград шло вторые сутки. Матросы и старшины забились в свои кубрики, дневальный понимающе улыбался, по коридору бродили полураздетые мичмана и офицеры. Кто в чем. Кто в кителе на голое тело, кто в тельняшке, кто в парадной тужурке, но, пардон, в трусах... Мы с Александром, тогда еще, по молодости лет, не привыкшие к подобным зрелищам, ошалевшими глазами проводили некоего неопознанного субъекта в шапке-ушанке (уши были опущены и аккуратно завязаны тесемочками), в трусах и ботинках (правда, надетых на голые ноги, без носок), который противоположным зигзагом проследовал мимо нас и исчез в каптерке. Переглянувшись, мы молча последовали было за ним, но нас окликнул дежурный офицер и сообщил, что обоих желает видеть командир.

– Он в бильярдной, – любезно пояснил каплей. Дежурный был совершенно невозмутим. Для него, тянувшего флотскую лямку шестой или седьмой год, ничего необычного в данной ситуации не было...

...Когда мы вошли, командир в рубашке с погонами, застегнутой всего на три пуговицы, без галстука, как раз пытался нанести удар по шару. Кий плохо слушался его рук. Мешали ему, очевидно, и подсказки десятка наших подвыпивших офицеров, искренне пытавшихся помочь любимому командиру. Трах! Шар, с треском пролетев по какой-то замысловатой траектории, обогнул всех своих собратьев и, перелетев через барьер, врезался в чье-то колено. Шар был увесистый, а колено – довольно чувствительная часть человеческого тела, что лишний раз подтвердил вопль невинно пострадавшего. Каперанг чертыхнулся, и тут в его поле зрения попали мы с Александром. Глаза командира РПК СН сфокусировались на нас. Спустя несколько секунд его лицо приобрело осмысленное выражение:

– Подойдите!

Мы приблизились. Командир запустил левую руку в карман брюк. Долго копался там, наконец извлек пару юбилейных медалей, несколько секунд тупо разглядывал их и молча протянул нам. Правая его рука по-прежнему была занята бильярдным кием. Взяв медали из левой руки командира, мы переглянулись. Что сказать в подобной ситуации? «Служу Советскому Союзу!», как того требовал устав, в данной ситуации было просто неуместно. Пробормотав дежурное «Спасибо!», мы тихо ретировались, сжимая в потных ладонях свои первые в военной жизни государственные награды...

Через несколько месяцев подобное зрелище нас уже не удивляло. Пьянство было повальным. Более или менее соблюдали правила приличия только в море, хотя и там иногда бывали эксцессы. На берегу людей прорывало. Нервы, взведенные, как боевая пружина, в море, требовали разрядки. Бытовая неустроенность, тяжелые климатические условия, семейные неурядицы и измены, нереализованность собственных творческих сил и амбиций – все выливалось

в дикие оргии, мордобой, попытки суицида, зачастую приводившие к трагическим результатам. Точные данные о добровольно ушедших из жизни военнослужащих были строжайше засекречены. Нам только однажды довели информацию, что более 70% покончивших с собой офицеров и мичманов сделали это в состоянии сильного опьянения...

Мне лично бутылки с «огненной водой» принесли много пользы. Я должен пояснить это смелое заявление, иначе меня поймут превратно. Дело в том, что в свои офицерские отпуска я прибывал в ВВМИОЛУ имени Ф. Э. Дзержинского и дописывал там кандидатскую диссертацию. Приходилось ставить много экспериментов. Лаборатории кафедры теории корабля и ПНИЛ-1 имели неплохие установки, но они создавались под другие задачи, и их переделка требовала проведения серьезных токарных, фрезерных, слесарных и бог знает каких еще работ. Вы уже догадались? Как и везде, то, что нельзя было сделать официально ни за какие деньги, легко решалось при помощи сделанного от руки эскиза, подобранных на ближайшей свалке материалов, золотых рук наших лаборантов и, естественно, ее, родимой. Диссертацию я защитил в срок. Спустя несколько лет, работая над докторской диссертацией, я аналогичным образом создал установку для экспериментальной проверки своей теории, попутно с решением сложной научно-технической проблемы продолжив процесс спаивания наших лаборантов...

Шли годы. Я поднимался по служебной лестнице, окончил ВМА имени А. А. Гречко, получил назначение в столицу нашей Родины – Москву. Здесь худо-бедно пытались соблюдать приличия в данной области, причем этому способствовали сразу несколько обстоятельств, даже с учетом того, что в столицу попадали далеко не последние по службе и интеллекту офицеры. **Во-первых**, это всевидящие ока наших политработников и особистов. Скорость стука во все времена в нашей стране превышала и превышает скорость звука. Любимым занятием и тех и других было копанье в чужом «грязном белье». Результатом, как правило, являлось исключение провинившегося из дружных рядов КПСС, что автоматически ставило крест на служебной карьере. **Во-вторых**, боязнь потерять престижное место в ГШ, частях центрального подчинения или очереди на получение квартиры заставляла офицеров всех рангов держать себя в рамках приличий. **В-третьих**, в Москве достаточно музеев, театров, выставочных и концертных залов – словом, мест, где можно с пользой провести свой досуг вместе с семьей. При этом и супруга присмотрит (если сама не склонна к употреблению вышеозначенного пойла), да и дети – мощный сдерживающий фактор. **В-четвертых**, повальное увлечение москвичей дачными участками. Шесть – двадцать соток подмосковной земли, небольшой теремок, постоянно требующие обработки и ремонта, хорошо отвлекали действующих вояк от бытового пьянства. Конечно, пили и на дачах, но, как правило, «в плепорцию», как говаривали в парусном флоте, т. е. зная свою меру. **В-пятых**, и это, пожалуй, главное – **уверенность в завтрашнем дне**. Офицеры знали, что впереди – почетная и обеспеченная старость. Минимальная полковничья пенсия (не говоря уже о генеральских) – 250 рублей – вдвое превышала обычную гражданскую пенсию по старости (120 рублей), что позволяло (теоретически) достойно провести оставшиеся годы.

По-другому обстояло дело в отдаленных гарнизонах. Отсутствие нормального жилья, работы для жен, ясель, детских садов, спортивных секций и прочих кружков для детей, развлекательных учреждений, перспектив по службе, тяжелые климатические условия быстро обламывали большую часть офицеров гарнизонов, заставляя их искать утешение старым, проверенным способом...

...Все понимали, что так дольше продолжаться не может. Надо что-то делать, но вот что? По старой доброй нашей традиции – не пуцать и запрещать – решили ввести сухой закон по-советски. Хотели как лучше, получилось – как обычно, по Черномырдину. Борьба с пьянством и самогонварением в конце существования СССР напоминала старый анекдот: войны не будет, а будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется! Вырубались виноградники, люди давились в очередях в винные магазины, отпуск спиртного лимитировался, ограни-

чивалось время его продажи. Талоны на спиртное стали универсальным платежным средством с момента их появления. Результат насильственного насаждения трезвости – распад великой и могучей державы, многочисленные разводы. Как сказал один юморист, количество разводов резко увеличилось из-за того, что многие мужья впервые взглянули на своих жен трезвыми глазами. По всей вероятности, люди впервые трезвыми глазами посмотрели и на устройство нашего государства...

Лихие 90-е. Развал империи обернулся подлинной катастрофой для населения 1/6 части суши. Люди, захватившие власть, не имели ни малейшего представления о том, как управлять государством. Некие малограмотные ...краты, образно говоря, с трудом умеющие кататься на маленьком ялике, внезапно оказались на капитанском мостике океанского лайнера. Никто из них не представлял устройство ГЭУ (главной энергетической установки), не умел ни пользоваться навигационными приборами, ни читать карты, не знал лощии, даже не представлял всех рифов и мелей, притаившихся на пути, но они смело изменили курс на 180 градусов. Десятки миллионов человек в мгновение ока оказались за бортом жизни. И в прямом, и в переносном смысле. Военные в числе первых оказались никому не нужны. Бесплановое, бессистемное сокращение одной из крупнейших в мире армий привело к полному параличу ее управления. Финансирование упало до нуля. Зарплата задерживалась месяцами, о закупках новой техники вообще забыли. Процветало воровство на всех уровнях. Офицеры, прапорщички, чтобы прокормить свои семьи, выжить самим, подрабатывали таксистами, охранниками, вышибалами (в крупных городах), воровали топливо, технику, оружие и боеприпасы, стройматериалы, продавали личный состав в рабство... Рядовые брали пример со старших товарищей. Кто не мог воровать – попрошайничали на улицах или молча умирали от истощения. Две кавказские войны, пардон, наведение конституционного порядка путем прицельного бомбометания, бездарные действия командования и высшего руководства страны, приведшие к гибели тысяч российских солдат и офицеров, мирного населения, теракты по всему северному Кавказу и в Москве... От такой жизни не захочешь, а запьешь. Что и стали делать большинство военнослужащих. Одернуть их было некому – пьянство шло из Кремля. Волей обстоятельств я в 1994 году оказался сотрудником Администрации Президента Российской Федерации. Должности заместителя начальника Управления федеральной государственной службы (УФГС) и ответственного секретаря Комиссии по высшим воинским должностям и высшим воинским и специальным званиям позволяли напрямую общаться с высшим руководством всех силовых структур и быть полностью в курсе всего, что происходит в этих ведомствах, а месторасположение моего кабинета – на Старой площади – давало возможность наблюдать за жизнью сотрудников Администрации. Пьянство процветало. После обеда найти трезвого начальника хоть какого-нибудь подразделения (за редким исключением) было проблематично. Горы пустых бутылок всех калибров и расцветок, скапливающиеся к вечеру в галюнах, обычно свидетельствовали об «успешном» завершении рабочего дня... Расскажу один дикий, но характерный для того времени случай.

Свой 41-й день рождения 28 июня 1994 года я встречал в Георгиевском зале Кремля. Разумеется, торжества были не в мою честь, просто так совпало, что президент страны, Борис Николаевич Ельцин, назначил на эту дату прием и фуршет для выпускников военных академий. Несколько сотен офицеров в парадной форме заполнили зал воинской славы. Присутствовали заместители министра обороны, главкомы, командующие округами, начальники академий, представители всех ветвей власти, в том числе и ваш покорный слуга. Я был в штатском, стоял рядом с главнокомандующим ВМФ, адмиралом Феликсом Николаевичем Громывым. Меня от трибуны, за которой должен был появиться Борис Николаевич, отделяло метра четыре пространства, одна ступенька (трибуна была приподнята над залом сантиметров на 15) и пара офицеров ФСО, охранявших ее с торцов. Ровно в 11:00 в зал вошли: президент России, Борис Николаевич Ельцин, министр обороны, Павел Сергеевич Грачев, первые вице-пре-

мьеры Правительства РФ, Олег Николаевич Сосковец и Владимир Филиппович Шумейко. Позади них показалась знакомая фигура генерала Коржакова, тенью всюду сопровождавшего в те годы Бориса Николаевича. Я хорошо знал всех пятерых. Бориса Николаевича и Александра Васильевича с 1988 года, остальных – с начала 1992-го. Шумейко и Сосковец курировали мой КОПРОН (Комитет по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве РФ) 1992—1994 гг. С Павлом Сергеевичем Грачевым приходилось периодически общаться на заседаниях Правительства, а перейдя в Администрацию Президента – довольно часто по долгу службы, ибо все назначения и перемещения высших офицеров, присвоение высших званий шли через меня... Борис Николаевич молча занял свое место в центре трибуны. Вице-премьеры расположились по правую руку от него, Коржаков встал метрах в трех за спиной своего шефа. Грачев проследовал к микрофону, установленному на маленькой трибунке по левую руку президента. Павел Сергеевич начал зачитывать текст написанного для него доклада. Министр обороны явно не тянул на Ираклия Андронникова. Его речь была сбивчива, невнятна, часто прерывалась, ибо он, периодически обращая свой взор в зал, терял строчку в распечатке и потом судорожно пытался найти ее продолжение... Ситуация всех тяготила. Вдруг меня довольно громко позвал Владимир Филиппович Шумейко:

– Тенгиз Николаевич! Подойди сюда!

Я лихорадочно соображал, что делать. Сделать вид, что не слышал, я не мог – между нами было менее трех метров. Офицер ФСО, стоящий с ближнего края трибуны, также задергался. Не пускать? А прямое приглашение первого вице-преьера? А должностные инструкции? Он напрягся и посмотрел на Коржакова. Всесильный генерал едва заметно кивнул. Я махнул рукой на все условности и поднялся на трибуну. Препятствий мне никто не чинил.

– Олег Николаевич! – Шумейко повернулся к Сосковцу. – Смотри, Тенгиз Николаевич «зажимает» свой день рождения!

– Серьезно? Безобразие! – притворно возмутился Сосковец.

– Исправлюсь! Сегодня же! – я решил поддержать шуточный тон первых вице-премьеров.

– Что здесь происходит?! – Борис Николаевич протиснулся между ними, точнее – раздвинул их, на фоне его мощной фигуры отнюдь не маленькие Шумейко и Сосковец как бы уменьшились в габаритах.

– Да вот, Борис Николаевич, Тенгизу сегодня исполнился 41 год!

– Это надо отметить! – вынес вердикт первый президент России. Он обернулся. Я не слышал, чтобы Борис Николаевич что-либо говорил, но спустя несколько секунд нам подали четыре фужера (!) водки и бутерброды с икрой. Краем глаза я наблюдал реакцию зала. Сказать, что народ был заинтригован и шокирован – ничего не сказать. Все вытягивали шеи и пытались разглядеть, что происходит на трибуне. Грачев явно нервничал. Он стал сбиваться чаще, крутил головой, пытаюсь понять, что творится буквально в двух метрах от него, но широкая спина президента загораживала поле зрения. Когда нам подали водку и закуски, Павел Сергеевич просто потерял дар речи. Доклад прервался. Потом продолжился, но с заминками.

– Ну что ж, мало кому довелось отметить свой день рождения в этих стенах. Поздравляю! Будь здоров! Удачи! Ну, и не останавливаться на достигнутом! – Борис Николаевич залпом осушил свой фужер на глазах у всего почтенного собрания. Нам оставалось лишь последовать примеру верховного главнокомандующего... Забегая вперед, отмечу, что спустя 12 лет, в 2006 году, 75-летие первого президента России Бориса Николаевича Ельцина будут праздновать в том же Георгиевском зале.

...Я вернулся на свое место. Грачев продолжил доклад. Борис Николаевич сказал несколько напутственных слов выпускникам академий. Большинство глаз присутствующих было приковано к возмутителю спокойствия, то есть ко мне. Первым не выдержал адмирал Громов:

– Тенгиз Николаевич, а что вы отмечали с президентом?

- День рождения, Феликс Николаевич. Мне сегодня 41 год.
- От всей души поздравляю!

Спустя пару часов секретарша доложила мне о прибытии начальника управления кадров ВМФ, вице-адмирала Викторова. Василий Андреевич торжественно вручил мне часы «Адмирал» от главкома ВМФ. Я счел своим долгом поблагодарить Феликса Николаевича. Трубку АТС-2 главком взял лично.

– Товарищ адмирал! Большое спасибо за столь значимый подарок! Вы опередили президента России!

– Что вы имеете в виду? – осторожно поинтересовался Громов.

– Президент мне еще не дал адмирала, а вы уже пожаловали...

– Ничего, скоро получите и от президента!

...Контр-адмиралом я стал спустя 10 месяцев, к пятидесятилетию Великой Победы, 5 мая 1995 года...

С наступлением миллениума, казалось, началась стабилизация. В бюджет рекой текли нефте- и газо-доллары, правда, тут же утекающие обратно за границу – в стабилизационный фонд и всякие офшоры. Тем не менее народу стало немного легче. Спиртное лилось рекой. Руководство пило за успехи своего крупного бизнеса, средний класс – за свой мелкий бизнес, остальные, за неимением такового, просто так, за то, чтобы лихие времена больше не повторились. Военным, которые только-только поверили в наступление лучших времен, в феврале 2007 года судьба подложила очередную свинью, на этот раз в лице нового министра обороны, большого специалиста в военной области, лейтенанта запаса Анатолия Эдуардовича Сердюкова. Опыт 15 лет успешной торговли мебелью здорово помог ему в организации распродаж имущества МО России (СССР). Перманентные реформы в подведомственном ему министерстве довели многих военнослужащих до отчаяния. Боевыми генералами командуют менеджеры в юбках и коротких штанишках лет 25—28, очевидно, также большие специалисты по управлению войсками. Люди при этом в расчет не берутся: лес рубят – щепки летят. Не далее как вчера по телевизору показали 52-летнего подполковника, живущего с семьей в общежитии, которого **не могут семь лет отправить в запас, ибо командование не в состоянии предоставить ему положенное по закону жилье.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.